Красноартеец Краснофлотец

№ 9

Фото Н. Соловьева

В части, которой командует майор тов. Пильсток, широко развернулась подготовка к 120-летней годовщине рождения Карла Маркса. На снимках: (вверху) в библиотеке части подготавливают труды К. Маркса для выдачи читателям; (внизу) комсомолец т. Аушев получает у библиотекаря тов. Сорокина книгу К. Маркса.

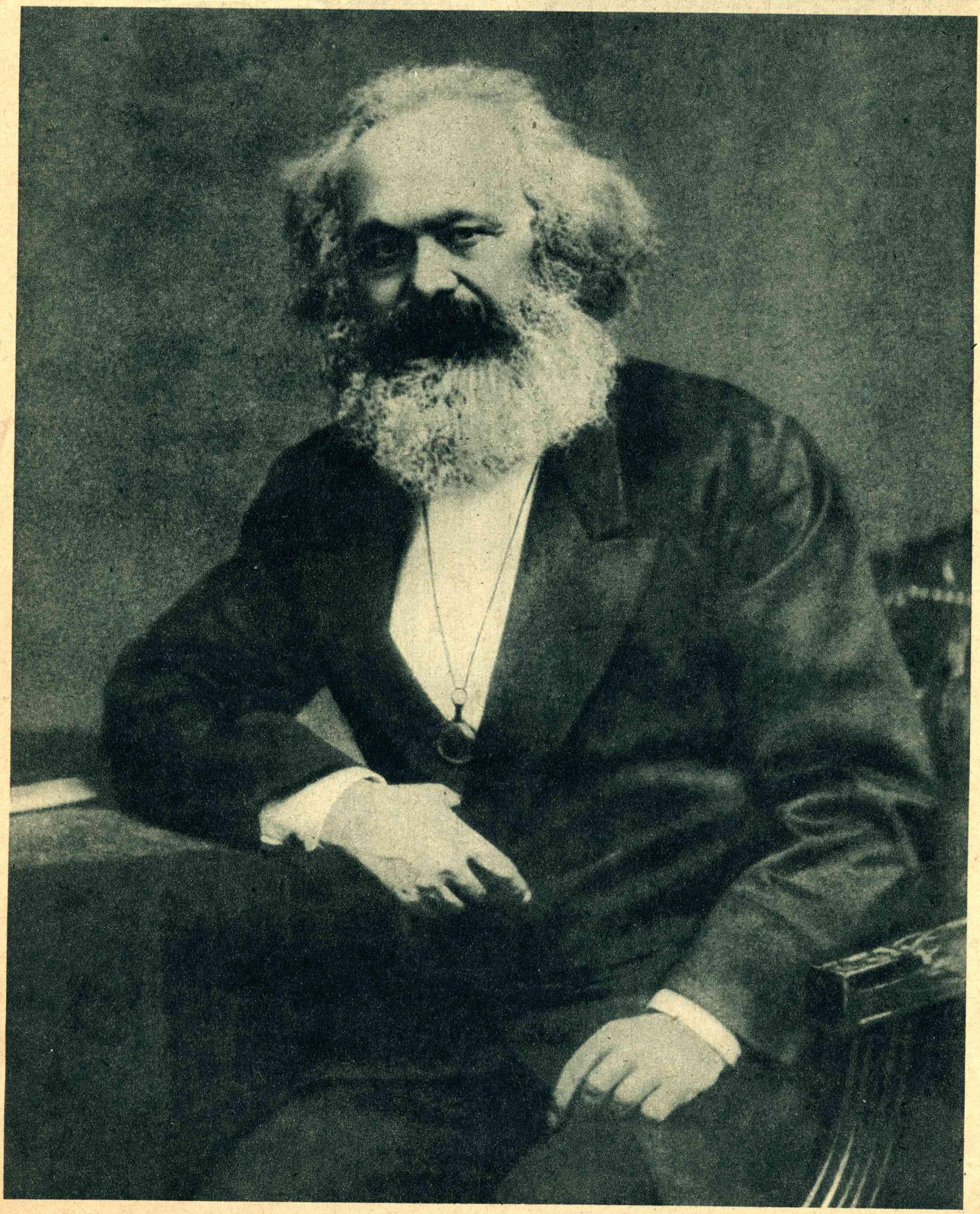
Институт литературы ЦИК СССР. им. М. Горького
О 38-15233 +

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красноармеец Краснофлотец

двухнедельный литературно-художественный журнал

20 год издания | № 9 | МАЙ 1938



КАРЛ МАРКС
1818—1938

ДЕНЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

1912 год. Рабочее движение в царской России после поражения революции 1905—07 гг., терроризованное жестокой расправой жандармерии и полиции, дезориентируемое предателями—меньшевиками, троцкистами и прочими агентами буржуазии в рядах рабочего движения, вновь поднималось на борьбу с эксплоатацией, произволом, бесправием. Далеко от центра, на Ленских золотых приисках, попытка рабочих протестовать против издевательства и варварского обращения была жестоко подавлена. Отзвуки ленского расстрела всколыхнули рабочий класс России. Петербург, Москву и ряд других городов России потрясли мощные забастовки. Нарастала революционная волна. Партия большевиков, загнанная царским самодержавием в подполье, преодолевая тысячи препятствий, героически и упорно оберегала и расширяла свои связи с рабочими массами.

Ленин и Сталин предвидели неизбежность новых боев с царским самодержавием и неустанно боролись за сохранение чистоты и боеспособности рядов большевистской партии, за усиление ее влияния на рабочие массы.

В 1912 году, по решению Пражской конференции, в Петербурге была создана массовая рабочая общероссийская газета „Правда".

Издание газеты „Правда" в период развертывающейся новой классовой схватки сыграло исключительную роль. „Правда" была подлинной боевой газетой рабочего класса. Огромны ее заслуги в деле сплочения сил большевистской партии и рабочего класса, в борьбе за диктатуру пролетариата, в борьбе за социализм.

„Правда" стояла в центре борьбы за партийность, „за создание массовой рабочей партии. Она была не просто газетой, подводящей итог успехам большевиков в деле завоевания лежальных рабочих организаций — она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных органов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели" (Сталин)*.

Особенность большевистской печати состоит в том, что она выполняет не только агитационные функции. Большевистская печать, по определению Ленина, не только коллективный агитатор, но и коллективный организатор. Сила большевистской печати в ее идейности, воинственности и глубокой и прочной связи с широкими массами трудящихся.

Ленин и Сталин являлись организаторами и редакторами первых большевистских газет. Ленин, находясь в ссылке или эмиграции, не выпускал из своего поля зрения работу большевистской печати в России. Он руководил изданием общероссийских газет, учил делать печатное слово боевым и доходчивым до широких масс трудящихся и писал острые, воинствующие статьи, зовущие на борьбу с самодержавием, разоблачающие предателей, колеблющихся и двурушников.

С именем и неутомимой революционной деятельностью товарища Сталина связано не только создание ряда большевистских газет на Кавказе — издание газеты „Правда" в 1912 году было осуществлено по указанию партии товарищем Сталиным. Товарищ Сталин был первым редактором „Правды". Вместе с товарищем Сталиным гигантскую работу по изданию „Правды" вели товарищи Молотов, Калинин, Свердлов.

Большевистскую газету горячо любили рабочие. Большевистскую газету, листовку, брошюру, передавая из рук в руки, рабочие жадно зачитывали до дыр.

Рабочий класс не только с нетерпением ждал выхода очередного номера большевистской газеты. Он помогал ей, поддерживал ее скудную материальную базу — он вместе с большевиками создавал ее. „Правда" могла выйти в 1912 году потому, что на ее издание и скорейший выход в свет рабочие собирали свои пятаки и гривенники. Большевистское печатное слово рабочий класс поддерживал не только отчислениями от своего нищенского бюджета. Он оберегал ее от ударов контрреволюции. Когда в 1917 году юнкера по приказу Временного правительства разгромили редакцию „Правды", весь рабочий Петроград пришел в движение. Он дружно выступил в защиту своей родной газеты.

Наша страна идет по Ленинскому пути. Под руководством мудрого вождя народов товарища Сталина народы СССР построили счастливую, радостную жизнь. Гигантски выросли культурные запросы рабочих, колхозников, интеллигенции. Книга и газета прочно вошли в их жизнь. Спрос на книгу, газету, журнал огромен. За 20 лет существования социалистического государства большевистская печать добилась огромных успехов и выпустила на рынок большое количество книг, журналов. Так например, за один 1936 год издано произведений Маркса и Энгельса около 2 млн. экз. и Сталина — 25—27 млн. экз. Произведений гениального пролетарского писателя Максима Горького издано около 37 млн. экз., тогда как в царской России его произведений было издано немного более 1 млн. экз. Произведений Пушкина до 1936 года было издано около 20 млн. экз. (до революции — 9,4 млн.), Салтыкова-Щедрина — 4,8 млн., Бальзака — 1,3 млн.

В царской России в 1913 году издавалось 859 газет; в СССР в 1936 году — 8 521.

Книги, газеты, журналы в СССР печатаются свыше чем на 100 языках народов СССР.

Огромна армия работников большевистской печати, среди которой есть отряд работников армейской печати. В Красной Армии и в Военно-Морском Флоте руками большевиков создано большое количество газет, издаются различные журналы, имеются свои издательства, типографии. Почетны и ответственны обязанности работников армейской печати. Армейская печать поставлена на службу боевой и политической подготовки вооруженных сил СССР. Печать Красной Армии и Флота учит бойца и командира искусству ведения боя, овладению боевой техникой, она воспитывает Красную Армию и Флот в беззаветной преданности социалистической родине и готовности отдать жизнь за дело Ленина—Сталина. Печать Красной Армии и Флота несет бойцам социалистическую культуру.

Успехи большевистской печати огромны. Однако они не дают права на самоуспокоение. Большевистская печать, осуществляя указания товарища Сталина, воспитывает у трудящихся масс беззаветную преданность делу социализма, глубочайшую ненависть к врагам советского народа, революционную бдительность. Было бы нелепым, если бы работник печати в этих вопросах сам не стоял на высоте, не являлся бы образцом и примером.

Враги народа, подлые изменники родины, троцкистско-бухаринские выродки пытались притупить острое оружие партии — большевистскую печать. Они хотели выхолостить воинственность большевистского слова, ослабить связь печати с народом, ликвидировать и заглушить самокритику, идущую из низов народа.

Работники большевистской печати должны вести решительную борьбу с корректорскими или грамматическими ошибками и опечатками, крепко помня, что эти „мелочи" всячески использовала вражеская рука, переставляя одну букву в наборе, искажала тексты важнейших документов партии и статьи Сталинской Конституции. Искажения смысла, опечатки, ошибки в тексте и т. д. играют на-руку врагам. Подобные вещи терпеть в большевистской печати нельзя. Печатное большевистское слово читают, изучают, на нем воспитываются миллионные массы нашего народа. „Печать—самое острое оружие нашей партии",— говорил Ленин. Это оружие должно быть всегда отточенным и грозным для врагов.

Большевистская печать свято чтит славные традиции „Правды". Каждый работник большевистской печати должен учиться у Ленина и Сталина, их работе над печатным словом.

Огромны задачи большевистской печати Сталинской эпохи. Великая честь — донести до каждого трудящегося золотые слова Сталинской Конституции.

Выборы в Верховный Совет СССР, всколыхнувшие всю нашу страну, поднявшие политическую активность народа и выдвинувшие новые массы беспартийных активистов-агитаторов, служили для печати боевым экзаменом. Роль печати во время избирательной кампании, во время обсуждения кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР была исключительно велика. И надо прямо сказать, что в подготовке выборов, в разъяснении Сталинской Конституции и избирательного закона, в мобилизации советского народа вокруг выборных лозунгов партии печать провела колоссальную работу.

На выборах в Верховный Совет СССР победил блок коммунистов и беспартийных. Выборы прошли организованно и единодушно. Они продемонстрировали всему миру морально-политическое единство народа и преданность советского народа делу партии Ленина — Сталина.

Сейчас страна готовится к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик. Перед большевистской печатью стоят гигантские задачи — опираясь на опыт выборов в Верховный Совет СССР, развернуть широкую агитационную работу вокруг предстоящих выборов, ярко и всесторонне рассказывать о кандидатах блока коммунистов и беспартийных, разоблачать происки классовых врагов и троцкистско-бухаринских прихвостней, сплачивая широкие трудящиеся массы советского народа вокруг большевистской партии и великого Сталина.

Сталинская Конституция гарантирует гражданам СССР свободу печати. „Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, средств связи и других материальных условий..."

Где, в какой стране, трудящиеся пользуются свободой печати? Нигде! Фашистские изуверы в корне пресекают всякое подобие свободы и прав человека. Они разгромили рабочие газеты и журналы, сожгли на кострах произведения лучших представителей человечества. Фашистские громилы наводняют книжный рынок фашистских стран погромной, антисемитской литературой. Фашистская печать поставлена на службу войны, захватов, грабежей и развития низменных чувств человека. Фашистская печать заполнена грязной ложью, инсинуациями, отвратительными призывами к погрому, руганью и клеветой против коммунизма и СССР. Фашистам ненавистна диктатура пролетариата. Они готовятся напасть на СССР. Народы Советского Союза, их Красная Армия и Военно-Морской Флот, должны быть на-чеку. Враг заносит над нашей страной руку для удара. Святая обязанность большевистской печати — разоблачать происки фашистских громил и их агентов — троцкистско-бухаринских предателей родины. Работники большевистской печати должны ежедневно, ежечасно поддерживать боевую готовность советского народа и держать наш советский народ в полной мобилизационной готовности.

* „Правда" от 5 мая 1937 г.

Над газетным листом

Лев Черноморцев

От полюса до южных побережий
Страны просторы синие — чисты.
Прекрасна жизнь!..
И пахнут краской свежей
Шуршащие газетные листы...
И пишут пограничники с границы,
Колхозники — из станов полевых.
В редакции слетаются, как птицы,
Исписанные, пестрые страницы,
И письма современников моих...
И вот — бойцов, стахановцев, героев
Мы слышим молодые голоса...
И кажется, что лишь глаза прикроем,
Пред нами встанут трубы новостроек,
Заплещет Волга,
Зашумят леса...
Нам в лица веет —
Голубым простором,
И теплым ветром
Посевной весны!..
И, наклонившись над статьей рабкора,
Мы видим день, цветущий день Страны.
И этот день
Мы славим песней дружной! —
Но берегись,
Кто хочет нам мешать!
В руках народа — грозное оружие —
Родная, большевистская печать!

Воентехник 1-го ранга
И. СУХАНОВ

Шарф

Ясный морозный день. Летное поле сверкает, переливается холодным, хрустальным блеском. От яркой белизны снега у людей в уголках прищуренных глаз — белая, молочная пленка.

Штурмовики готовились к полетам. На второй линии старта к двум самолетам подвешивали конуса, устанавливали на турели катушки с намотанной на них длинной веревкой, закладывали патронные ленты в зарядные ящики.

Зимой работа у самолетов на земле должна проходить быстро. Мотор скоро остывает. Покурил — и снова в кабинку. Чуть прозевал — и в тонких сотах радиатора образуется ледок. Прогревать мотор — лишняя трата горючего.

Экипаж в кабинах. Летчик Хрусталев весело кричит летчику в соседнем самолете:

— Макс! Сколько очков сегодня берешь вперед?

Макс плохо слышит. Его уши заложены ватой и плотно обтянуты шлемом. Но он видит улыбающееся лицо Хрусталева и тоже смеется.

— Сколько очков вперед, Макс?— громче кричит Хрусталев.

Макс услышал: Хрусталев напоминает о вчерашнем проигрыше в ДКА. Макс проиграл ему две партии в биллиард. Воспоминание потушило улыбку. Макс дернул ручку пулемета, загнал очередной патрон.

— Это тебе не зеленое поле, — кричит он Хрусталеву, — сам могу вперед дать. Ты первый стреляешь!

— Идет! Ты ведущий, — соглашается Хрусталев.

В овальном зеркале на фоне голубого неба отражается его молодое, раскрасневшееся на морозе лицо. Голова, затянутая кожей шлема, откинута на подушку кабины; глаза поблескивают за стеклами очков. Меховой воротник поднят, а зеленый, пушистый, заиндевелый у подбородка, шарф обмотан вокруг шеи и широким полотнищем спускается на грудь и спину, поверх кожанки. Поясной ремень туго охватывает меховой реглан.

Как по стрельбе, так и на биллиарде поражения и победы были то на стороне Хрусталева, то на стороне Макса. В итоге соревнования на лучшего стрелка в эскадрилье показатели их были равны.

Вчерашний выигрыш на биллиарде и бодрящий мороз ясного дня поднимали настроение Хрусталева. Он чувствовал особенную уверенность в себе.

— Самолет к стрельбе заправлен, товарищ командир! — доложил ему оружейный мастер.

— Есть! Летим, Макс?

В ответ Макс поднял руку — согласен.

Хрусталев спросил летнаба:

— Все в порядке, Сурин? Готов?

— Есть! Можем лететь.

Моторы запущены, прогреты. Вырулили на первую линию старта.

Взмах флажка стартера. Винты бросили в остающихся на аэродроме техников вихри снежной пыли.

Дружно взяв полную горку, самолеты прошли над аэродромом и взяли курс на полигон.

Летнаб промерз. Он стал поколачивать нога-об-ногу. Лицо смазано толстым слоем вазелина, но ему показалось, что пощипывает нос, и он потер его мехом перчатки.

На полигоне — замерзшей болотистой равнине — торчали редкие, чахлые сосенки.

Зататакал пулемет Хрусталева. Три коротких очереди.

Довольный, что в пулемете не было задержки, Хрусталев обернулся к Сурину:

— Выпускай конус!

Мотор сбавил обороты. Чтобы не оборвался трос, конус сбрасывали на малой скорости. Веревка от подвешенного под фюзеляж конуса, намотанная на катушку, укрепленную на турели, пропускалась через ролик у отверстия в полу кабины. Чтобы веревка распускалась не под прямым углом, а отлого, перед тем, как сбрасывать конус, Сурин передвинул катушку как раз против и чуть выше головы Хрусталева.

Стоя в кабине, Сурин отпустил тормоз катушки, дернул за рукоятку сбрасывателя. Оглянулся. Конус вырвался из-под хвоста самолета, распустился. Вот он отстал от самолета на пятьдесят метров... На сто... Вот уже двести... Летнаб прикидывал расстояние на-глаз.

Вдруг его резко бросило в сторону и с силой вбило в кабину.

Хвост самолета полез кверху. Синева неба завертелась бешеным круговоротом.

«В штопор сорвались», — пронеслось в голове Сурина. Он собрал все силы, чтобы встать, посмотреть в кабину летчика.

Макс летел параллельно самолету Хрусталева. Когда вырвался конус, Макс сбавил газ и, отставая вместе с конусом, приготовился стрелять.

Фото Н. Соловьева

Отличники боевой и политической подготовки Н-ской авиачасти МВО воентехник 2-го ранга Н. В. Крюков и воентехник 1-го ранга Ф. М. Щипайкин за осмотром мотора самолета.

Вдруг конус дернулся, взвился вертикальной трубой.

«Оборвался! Полчаса зря утюжил воздух». — Макс с досадой посмотрел на самолет Хрусталева.

Штурмовик крутился в штопоре и с работающим мотором быстро приближался к земле, таща за собой конус.

Заложив свою машину в глубокий вираж, Макс наблюдал за самолетом Хрусталева.

— Один, два, — считал он витки, — три, четыре... Довольно, Васька, пошутил, хватит!

Конус оборвался.

— Васька, не дури!

Самолет все ближе к земле.

— Ва-а-ська!.. Вась!.. Васютка!..

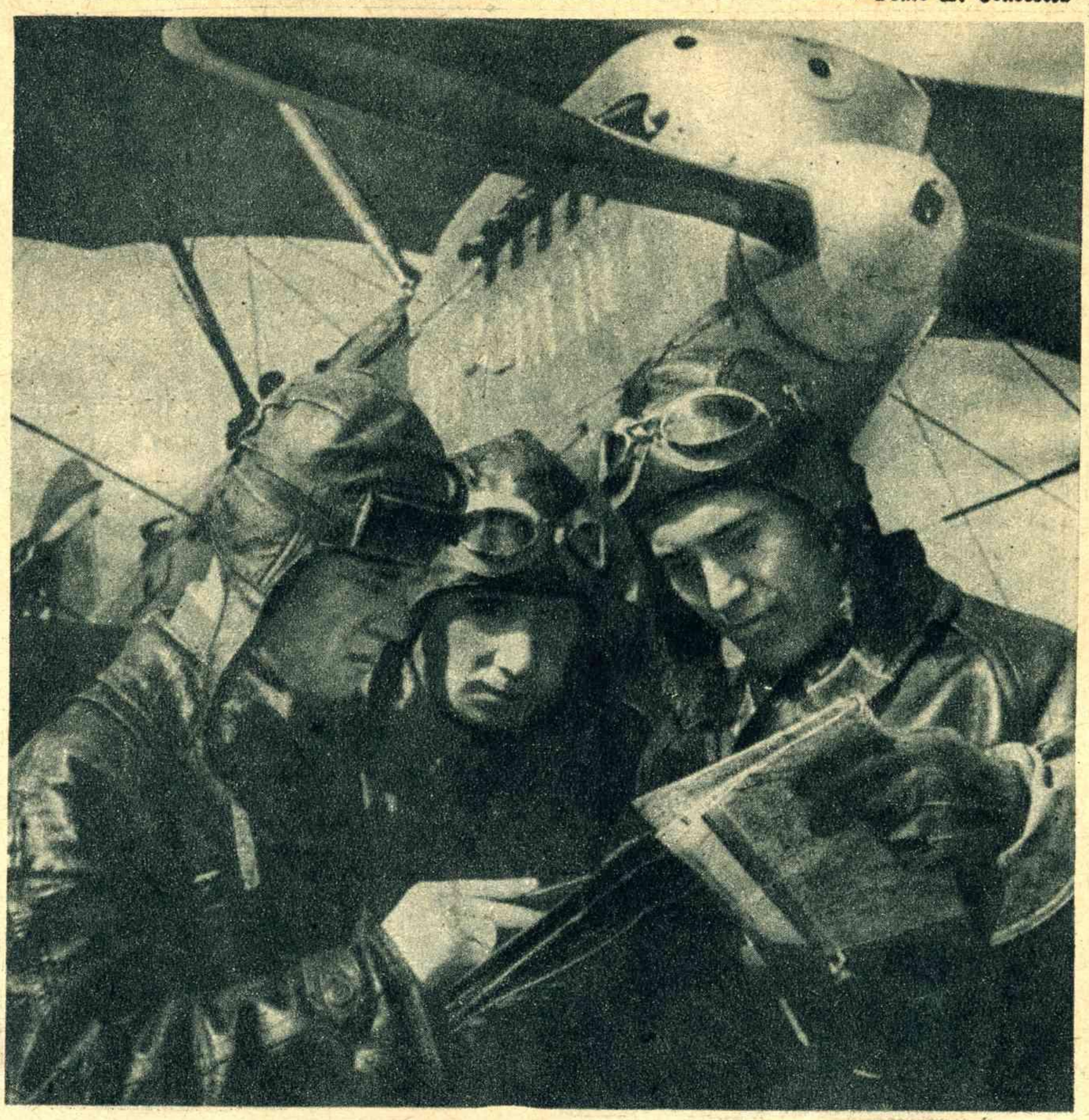
Сверху казалось, что самолет совсем слился с землей. Вот-вот взметнется снежное облако, полетят обломки, а вместе с ними...

У самой земли самолет вырвался из штопора и круто взмыл кверху.

«Слишком малую скорость держал, да еще и конус своим сопротивлением убавил ход; ну, и сорвался... Только почему он так долго не мог вывести машину из штопора?» — раздумывал Макс, подлетая к аэродрому.

Но дело было не так, как представлял себе Макс.

Фото Н. Соловьева



Летчики-наблюдатели Н-ской авиачасти МВО лейтенант И. А. Черкис, политрук В. Г. Ядов и лейтенант Г. А. Зубер уточняют маршрут полета.

Собрав силы, Сурин подтянулся на руках и заглянул поверх кабины.

Вплотную к катушке прижалась запрокинутая голова Хрусталева. Сурин увидел налитое кровью лицо, открытый рот и выпученные глаза. Очки были сорваны. Руки Хрусталева бешено рвали шарф.

Сурин сразу все понял: когда он смотрел на распускавшийся конус, шарф попал на вращающуюся катушку и накрутился на нее, а веревка конуса затянулась и не давала летчику освободиться. Его шея воспринимала все сопротивление конуса.

Сурин, борясь с центробежной силой и упругой воздушной струей, одной рукой держался за турель, а другой с трудом вытащил из кармана складной нож.

Самолет крутился в штопоре.

Сурин впился зубами в лезвие ножа... Открыл... Преодолевая сопротивление воздуха, разрезал веревку конуса.

Голова Хрусталева дернулась вперед. Конус метнулся вверх. Прошло несколько долгих для Сурина мгновений, пока Хрусталев пришел в себя и схватил управление в руки.

И только когда самолет пошел по прямой, Сурин посмотрел на землю.

— Еще полвитка и — наших нет, — вслух сказал он. Радостное чувство гордости охватило его. Уже не от холода, а от чего-то другого ноги выбивали по полу чечетку, и, сливаясь с гулом мотора, вырвалась песня:

Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?

Сурин пел свою любимую песню, песню красных кавалеристов. Как часто он певал ее, когда на Резвом ехал впереди своих бойцов!

На разборе полетов командир эскадрильи говорил летному составу:

— У летчика в одежде все должно быть пригнано, все должно быть впору, не тесно, но и не болталось бы. В чем ошибка Хрусталева? Повязал н равильно поверх кожанки шарф, туго затянул ремень. Будто не в полет, а на гулянку собрался. Когда садился в самолет, все впору было. А в воздухе захотел ослабить пояс, вот шарф и бросило ветром на катушку. Тесный сапог, и тот приводил к авариям. Да, я вот расскажу вам один случай.

За свою долгую летную практику командир эскадрильи много видел, он любил на разборах приводить примеры. Летчики всегда с большим вниманием слушали рассказы командира эскадрильи.

— Дело было в двадцать шестом году, в истребительной эскадрилье... Можно закурить, — уловил он взгляды летчиков, бросаемые на дымок его папиросы. — Так вот. Летный день в начале зимы. Командир отряда летчик Шаповалов полетел на пилотаж. По тому времени он на старых самолетах чудеса творил. Все, кто были на старте, головы задрали, любуются. Да... Вытанцовывает он свои пируэты, вдруг видим: выкидывает самолет какие-то нелепые коленца. Ну, думаем, балуется, водилось это за ним. И все-таки чувство подсказывает, что самолет без управления.

Командир эскадрильи затянулся. В комнате было тихо.

— Да... Под конец — штопор до земли. Когда вынули Шаповалова, то из мехового реглана мышенок выскочил.

— Откуда мышь взялась, товарищ командир?

— Шаповалов сходил до полетов в склад, получил спецовку. Принес реглан в летную комнату и, не осмотрев, надел. Пока мышенку воздуху хватало, он сидел спокойно. А потом, очевидно, забегал, закусался... Летчик бросил управление самолетом...

Так вот, летчику Хрусталеву за несоблюдение формы одежды объявляю выговор. Летнабу Сурину за находчивость, сохранение присутствия духа, проявленную инициативу в спасении экипажа и самолета, объявляю в приказе по части благодарность. Все. Можно разойтись.

Дм. СНЕГИН

НАВОДЧИК ТОКАРЕВ

Ночи Туркмении не знают прохлады летом.

Час рассвета тих и удушлив. Небо светлеет. Крупные звезды юга прозрачны и тяжелы. Горьковатый запах полыни, сухие стебли скупой растительности хрупки. Лошади то и дело пофыркивают, поднимая строгие головы. Губы их сухи и пыльны: водный режим распространяется не только на людей, но и на животных.

Широкая покатая спина безыменной горы, медленно теряя крутизну, сливается с лессовым ущельем. Редкие деревья украшают дно его. Узкой полосой пролег по дну Золотой Ключ. До ручья рукой подать, но невидимая линия переднего края нашей обороны проходит в ста метрах перед ним. Ручей — у противника.

— Товарищ Клинов, передки в укрытие! — тихо и четко отдает приказание лейтенант.

Он широкоплеч, коренаст. Новенькое снаряжение ловко и плотно обхватывает узкую талию, стройные плечи.

— Приказано передки в укрытие...

Густая пыль клубится вдоль колесных борозд. Она ложится на гладкие холеные копыта лошадей и не задерживается — так стремителен галоп артиллерийской шестерки. На огневой позиции остается орудие, невидимое постороннему глазу, и люди, обслуживающие его.

Нигде так не развито чувство ответственности за товарища, как у орудийного расчета. Недаром всякий раз наводчик Токарев поучает своего закадычного друга Дедова — не в меру горячего и подвижного правильного:

— Ты, Вася, зря хобот не дергай... Наводка — она тонкая штука и требует деликатной работы. Тронул хобот лишку — ушел снаряд в сторону, и никто его пути не выправит: ни я, ни замковый, ни даже товарищ командир. Потому и зовемся расчетом, чтоб все наши движения были согласованы. — Он смотрит в быстрые глаза Дедова, и по-девичьи застенчивая улыбка трогает его красивые полные губы.

Крепки и выносливы воины страны Советской. Зорок и осторожен красный командир. И задолго до того, как начал подниматься рассвет, пушечное тело сравнялось с землей и притаилось в противотанковом окопе, а люди залегли в колодцы.

Перед тем как сойти в окоп, Токарев еще раз по-хозяйски оглядел замаскированное орудие. Набросал кустиков полыни поверх сетки и поправил узкий блестящий ремешок панорамного футляра на груди.

— Не пройдет ни один танк через наше орудие, — уверенно басит он со своей неизменно застенчивой улыбкой.

Фото Н. Соловьева

Отличник-наводчик артиллерийского орудия М. Е. Загайнов.

Лейтенант поворачивает скуластое лицо. Ветер и зной оставили неизгладимый след на его сухих бронзовых щеках.

— Танк, — задумчиво говорит он, — впервые я с ним встретился в 1933 году на осенних учениях. Танк ревел, как раненый бык. Он напоминал мне далекое детство.

И лейтенант вспомнил, как птицы Ала-Тау кружились над ним в небе. Дородная кобылица нежно ржала, подавая голос скакавшему жеребенку. А в воздухе висели привычные горные звуки полудня.

Байские стада в сытом спокойствии медленно бродили по отлогим склонам богатого джайляу *. Саттар Аманжолов, девятилетний пастух, гибкий и проворный, сидел на горячем камне. Камень врос в землю, и бархатная плотная паутина мха покрывала его почерневшие ребра. Саттар сидел на камне и вырезывал из стройного боярышника тонкий длинный посох...

Сильный топот пронесся над джайляу. Лошади шарахнулись и скрылись за косогором. Коровы бросились вслед за лошадьми. Рассекая туго сбившееся стадо баранов, мелкой тяжелой рысцой взбирался по отлогому склону громадный бык. Розовая пена клубилась у губ его. Темная кровь сочилась из рассеченного бедра. Крупная цепь, обвив короткие рога, струилась меж ног.

Страшное оружие — рога, если они украшают могучую голову обезумевшего быка. Острые и несокрушимые, они приносят смерть и разрушение в час слепой ярости.

Коричневый бык — украшение байских табунов — был гневен. Его широкий лоб, как щит, выпирал вперед. Саттар вскочил, дрожа, и бык увидел пастуха. Продолговатые мускулы вздулись на его шее, короткой и твердой. Ноздри вздрагивали. Язык слизывал розовую тягучую влагу. Багровые глаза остановились. Тупая голова с рубчатыми рогами ниже припала к земле и издала короткий рев. В страшном порыве, вспарывая зеленую горную землю, бык пошел на Саттара.

Пастух метнулся в сторону. Кубарем скатился в прохладную впадину и притаился за стволом столетней ели.

Ель встала нерушимой преградой между ним и разъяренным быком.

— Ловкий чертенок! — услыхал Саттар разочарованный возглас своего хозяина. — Не удалась наша потеха, — обратился он к сопровождавшим его конным баям. Баи тронули лошадей и ускакали за перевал.

Саттар долго еще слышал дробный топот коней, уносивших баев за новой потехой. Его детское сердце наполняла холодная злоба на этих сытых, самодовольных людей. У него еще горел на щеке свинцовый отек от удара байской камчи.

— Танки с фронта! — раздался голос переднего наблюдателя. Он спугнул грустные воспоминания детства. Лейтенант встал.

* Горное пастбище.

Услышав команду, бойцы бросились к пушке. Взлетела зеленая маска-сеть. В ней сизыми голубями затрепетали кусты пахучей полыни. Грохнул щит. Под напором сильных рук пушка вылетела на площадку и тупо уставилась темным срезом дула в сторону наступающего танка.

Припав на правое колено, Токарев проворным взмахом руки выхватил панораму и вставил в гнездо. Выгоревшая пилотка его сбилась набок. Дедов, не скрывая восторга перед тем, что, наконец, наступило «дело», точно врос в правило.

— По танку... гранатой... взрыватель фугасный! — чеканит лейтенант, не отрывая от запыленных глаз черного артиллерийского бинокля. Проходят секунды, но кажется, что команда подается медленно, что замковый не во-время открыл затвор, что сам наводчик Паша неумело и неровно вращает барабанчик панорамы.

Наводчик... — в нем сейчас вся сила. И от того, насколько точно тонкие нити панорамы обозначат аккуратный крестик смерти на корпусе танка, зависит его судьба. Неверное движение руки, грубый сдвиг правильного—и выпущенный снаряд грохнется оземь, горячие осколки серым дождем упадут на разорванный склон, танк неумолимо ползет вперед.

Время утеряно, и теперь ничто не спасет нас. Я слышу угрожающий рев мотора. Жаркое дыхание опережает его и обжигает лицо, руки, полынь.

Танки, сотрясая металлической поступью землю, устремятся дальше вперед, они разорвут проволочные заграждения и грохочущей лавиной опрокинутся на огневые укрепления.

По их дымному и гулкому следу ринется пехота с винтовками наперевес.

— Огонь!

Раскатистый выстрел качнул воздух. Лапчатый сошник хобота, сдерживая откат орудия, врылся в землю. Орудие подпрыгнуло, как лягушка, такое же зеленое и приземистое. Паша наводчик припал к стеклу панорамы. Мелкие бусинки пота струились по его открытому лбу. Полные красные губы плотно сжались, обозначив упрямую складку на смуглой щеке.

Снаряд упал на полтанка вправо. Бронированное чудовище, не сбавляя скорости, неслось на орудие. За ним, и справа и слева, устремилось еще два танка.

Второй разрыв потряс воздух. Дымчатое тело головного танка рванулось набок, медленно продвинулось на целой гусенице и стало. Упругие сцепы второй гусеницы разорвал фугасный снаряд.

Фланговые танки приближались. Раскачиваясь и ныряя, словно челны в море, они с невиданной быстротой скользили по холмистой местности. Танки решили взять нас в «клещи».

Но странное дело! Их ровный непрерывный рокот теперь не пугал нас. Уверенной рукой Токарев подводил тонкий крестик панорамы в корпус левого танка. Только один Вася Дедов понимал требовательные движения наводчика и исполнял их, налегая на металлический рычаг правила.

Темное, загорелое лицо Токарева выражало неумолимую решимость. Правый, неприщуренный глаз прокладывал через оптический прибор линию смерти. Она неизменно упиралась в трепещущую гусеницу танка.

Дрогнула земля от нового выстрела. Оранжевая густая пыль взвивалась над орудием. Из бронированной груди танка вырвался вой. Танк неуклюже осел и смолк.

И тогда третий танк, видя гибель первых двух, сделал крутой поворот и бросился в бегство.

Поздно. Стремительным, точным броском Дедов занес хобот орудия влево. Маленький, подвижный, неизменно веселый, он точно прирос к правилу. Потная гимнастерка прильнула к груди, вырисовывая бугры мускулов.

— Не уйдешь! — кричит он в неудержимом восторге и косит блестящие глаза на Токарева. Ему кажется, что Паша медлит, что ревущий, закованный в броню, зверь вот-вот уйдет из-под удара, чтобы в другой раз, в новой схватке раздавить ненавистную пушку, а его, Дедова, вместе с наводчиком Пашей пропустить через зубья гусеницы.

Закон войны ясен и прост — врага нужно уничтожить или он уничтожит тебя. Токарев это знает. И еще он знает, что за его широкими плечами раскинулась необъятная родина. И в этот миг, когда он следит за убегающим танком, родина шумит колхозными полями. Его сверстники ведут поезда по стальным рельсам от Балтийского моря до Тихого океана. Их приветствуют победные гудки неисчислимых заводов, выросших вместе с новыми городами. А в Кремле, в светлом просторном зале, Сталин и Ворошилов вместе с его отцом обдумывают план дальнейшего укрепления и расцвета радостной жизни. Они знают, что здесь, на рубеже земли советской, укрывшись за холодный щит, у грозного орудия стоит наводчик Токарев. Они спокойны: Токарев не сдаст.

Рука Токарева едва уловимым движением указывает правильному доворот и, выждав роковой момент, стремительно дергает шнур курка.

И вновь грохнул выстрел. Бегущий танк рвануло. Кренясь набок, ревущее чудовище рухнуло в котловину.

Фото Н. Соловьева

На огневую позицию.

═ ★ ═

Учение окончено. Вздымая тяжелые пласты пыли, к орудию подкатила машина. Широко распахнув дверцы, из нее вышел высокий полный комбриг со знаками артиллериста. Расчет встал.

— Кто наводчик? — не принимая доклада, спросил комбриг.

— Красноармеец Токарев! — доложил наводчик, сделав шаг вперед.

— Молодец!.. Отлично стреляете... Награждаю вас ста рублями, а орудийному расчету объявляю благодарность.

— Служу Советскому Союзу!—дрогнувшим от волнения голосом ответил за всех Токарев и, как бы сердясь на волнение, согнал с губ застенчивую улыбку и подтянулся.

С. Мирер, Геннадий Фиш

На польском фронте

(Рассказ женщины-орденоносца З. Патрикеевой)

Перебрасывает нас партия Ленина — Сталина из степей кавказских на белопольский фронт.

Объявил Ворошилов великий митинг всем всадникам революции на открытом поле и речь говорил о том, что волей партии нам предстоит великий переход на тысячу с лишним верст от степей Кавказа до киевских полей, отогнать должны мы белую шляхту с Украины и Белоруссии.

И радовалось сердце, что стремительно несемся для уничтожения белогвардейщины.

Я считалась бойцом и сестрой. Когда надо, с винтовкой несусь вперед; когда надо, достаю бинты из сумочки и перевязываю раны.

По девяносто-сто верст мы проскакивали в сутки и скоро доехали до польского фронта.

Первый бой приняли в местечке Погребище.

В этом бою и я участие принимала.

На тачанке вторым номером я подавала ленту в пулемет. А когда ранило моего пулеметчика, я лошадей погнала вперед, повернула тачанку и начала строчить из пулемета.

Поле зеленое, и лесок небольшой.

Лес небольшой, и в поле засеянном рожь высокая поднялась. На мирные наши поля рванулась с огнем белая панская шляхта.

— Гнать их, гнать их! — кричат товарищи.

Несутся вперед с криком:

— Ура!

Тачанка на рессорах все вперед несется, тащут ее четыре лошади.

Я управляю лошадьми — вперед и вперед.

Потом тачанку поворачиваю лошадьми назад, и берусь за рукоятку, и строчу, и строчу.

А раненых и убитых много.

Чувствую, что надо победить, как побеждали на южном фронте, что это одна война, а не две.

Когда уже отбили неприятеля, слезла я с тачанки и пошла подбирать и перевязывать раненых. Мой пулеметчик уже непробудным сном навсегда уснул. Вывезла я его в деревню, и там его похоронили с музыкой.

Похвалили меня бойцы:

— Вот герой у нас, — говорят, — Зина!

Я была так неразвита, что стеснялась слово сказать товарищам в ответ. И так рада была, и растерялась, и слезы у меня выступили из глаз! Вот тебе и героиня!

Прорвали мы польский фронт и очутились у местечка Червонного.

Наша цепь залегла за бугром.

Я была старшей после погребищенского боя. Но как только я отвернусь, Петька—пулеметчик номер второй—начнет стрелять и все патроны мигом расходует, и нехватило пулеметных лент в самую горячую боевую минуту.

Я опустилась в лощинку.

Когда садилась я на лошадь, пулька из вражьего ружья проскочила через мякоть моей руки навылет.

Товарищ китаец, хороший стрелок, мне руку перевязал.

Я села на лошадь и поскакала в обоз.

Видят поляки несущегося всадника — конечно, метят в меня. Ну, все мимо, мимо, недолет-перелет.

Но вдруг снаряд взорвал землю чуть ли не под копытами коня моего, и лошадь встала на задних ногах.

Я поскакала дальше. Шесть лент на себя навязала и поскакала дальше, обратно.

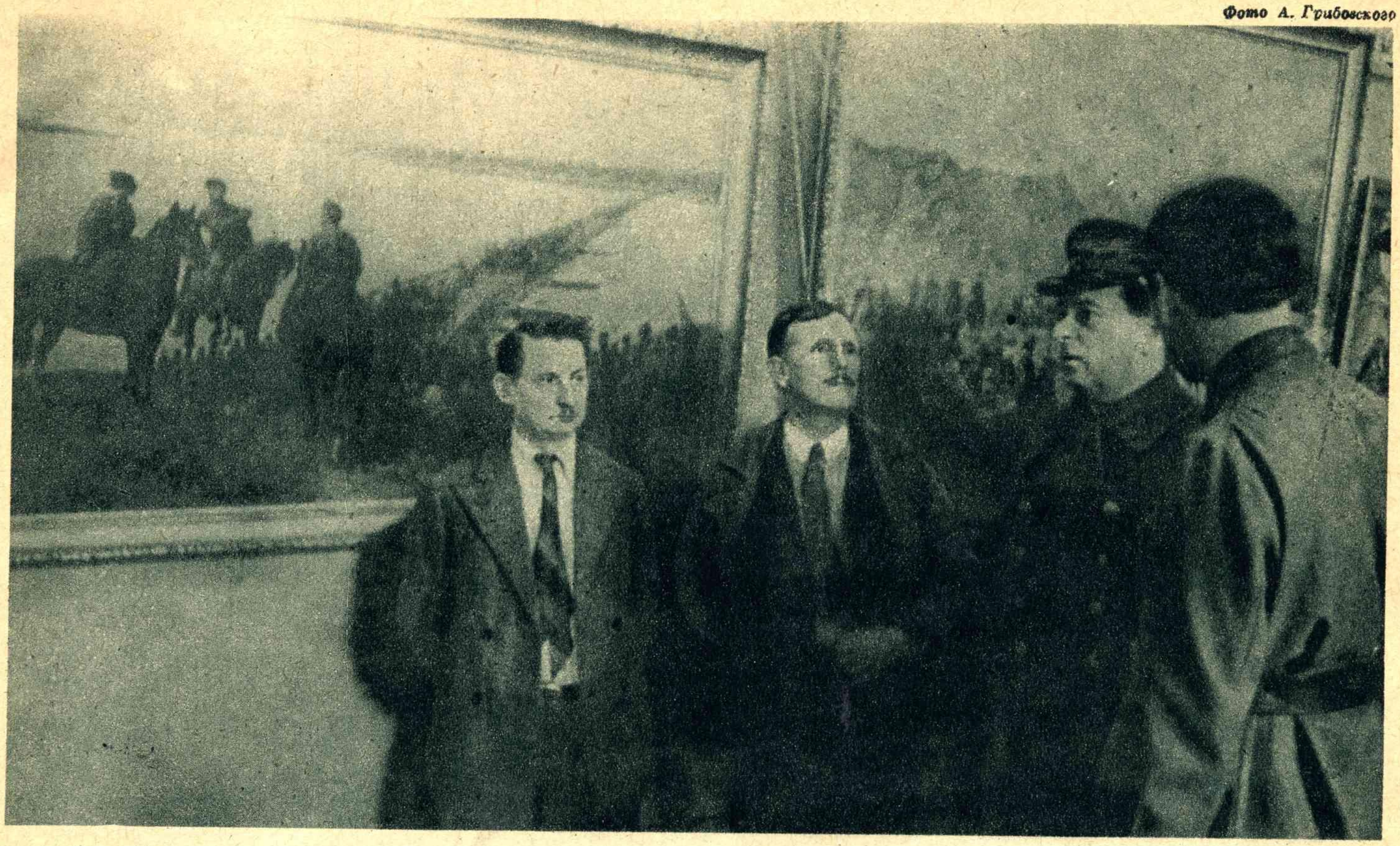
Несусь обратно с пулеметными лентами, а польские пули свистят кругом, и тяжело рвутся снаряды.

Доскакала и заняла свое место у пулемета.

Рис. С. Зелихмана

„Я выпустила последний патрон и сбила с лошади офицера"

Фото А. Грибовского



Армейский комиссар 2-го ранга Л. З. Мехлис и художники И. Г. Дроздов и М. И. Авилов у картины „Переправа Первой Конной у Каховки", принятой на выставку „XX лет РККА и Военно-Морского Флота".

— Ну, Петька, — говорю, — не транжирь патроны — у нас еще большое дело впереди.

Ну, я опять у пулемета протянула ленту и начала обстреливать неприятеля.

Шляхта польская отступила и скрылась за лесом недалеко от местечка Червонного.

Наступила светлая ночь — снова завязался бой в тылу у белополяков. Спешилась конница и залегла за бугром.

Втащила я пулемет на бугорок и стала стрелять в неприятеля. Но патроны снова уже подходили к концу.

Тем временем наши шагнули чуть-чуть назад, а я замешкалась и очутилась одна впереди всех верхом на лошади.

Офицер несется ко мне с шашкой наголо с польским криком. Вслед за ним скачет ординарец.

Не зная, что я одна, полная решимости, несусь на него. Подскакал ко мне офицер вплотную и замахнулся шашкой. Я нагнула голову за лошадь, и он отрубил ухо лошадиное.

А у меня в нагане последний, единственный патрон. Я выпустила его и сбила с лошади офицера.

Он упал к ногам моего коня, а я с пустым наганом понеслась на его ординарца.

Пустой наган наставила, и ординарец сдался мне. И я его доставила в штаб.

Не доходя до Новоград-Волынска, мы натолкнулись на польскую заставу. Наш эскадрон шел в разведке. Командир эскадрона дал распоряжение связаться с резервной колонной, идущей сзади нас, с донесением о том, что неприятель близок.

Застава начала нас обстреливать.

Я неслась туда верхом на лошади.

Там лес, болото, проволочное заграждение.

Нас было четверо впереди.

Трое поскакали обратно — связаться с эскадроном.

И подлетает ко мне на лихой лошади ясновельможный польский пан. И я очутилась одна перед польским офицером. Он на коне, я на коне.

— Холера, пся крев! — закричал он. — Слезай с лошади!

С нами был пулемет, пулеметчика тяжело ранило, и пулемет стоял в поле.

Я подскочила к пулемету, схватила замок и забросила его, чтобы они не могли воспользоваться пулеметом.

И тогда только я спешилась.

Тут наставил он дуло винтовки и прицелился мне в голову.

— Нас много, — говорю ему, — всех не перебьете!

Он услышал женский голос.

— Большевичка!

Опустил дуло, нажал курок и тяжело ранил меня в живот.

Я свалилась, вся облитая кровью.

... Это под Новоград-Волынском выжег он звезду на моем лбу шомполами.

Рубцы на мне морщинками положил. Но нет у меня сил вспоминать об этом.

И лучше не настаивайте.

Тут подошли наши колонны. Дали сильный бой.

Взяли город, отбили нас, а меня положили на линейку и довезли до Бердичева.

Я лежала в передвижном госпитале три недели и, как только встала на ноги, снова вступила в строй.

И под Дубном был сильный бой у старинной крепости. Мы рвались на Львов, наступали дальше, глубже в Польшу.

Это было на рассвете. Розовым светом заливалось небо, восходом солнца.

После ранения моего я была еще слаба. Но вида не показывала.

Пустились в бой. Навели на них панику. Сняли ихнюю заставу.

Тогда убило командира эскадрона, и я сама повела эскадрон в бой. И все пошли! Пошли со мною вместе на форт!

Взяли Дубно, взяли форт.

Я не считала все это подвигами. Обязанность моя была защищать власть рабочих. Я жизнью готова была жертвовать, но жизнь моя уцелела.

В партию я вступила на польском фронте. Рекомендациями моими оказались раны мои.

Красноармеец В. КЛИМОВ, младший командир П. НИКОЛАЕВ

Шахматы

Два коротких свистка. Поезд тронулся. На ходу, ухватившись одной рукой за поручень, прыгнул в тамбур худощавый, с впадинами под глазами, пожилой инженер Гусев. Резким движением широких плеч он стряхнул крупные дождевые капли с коверкотового плаща и вошел в купе мягкого вагона.

— Вы из Касторной? — обратился к нему капитан Ширяев, прищуривая левый глаз.

Инженер оглянулся через плечо и сухо ответил:

— Нет. Проездом... А вы?

— Я? Был в девятнадцатом...

Они посмотрели друг на друга. Ширяев провел ладонью по седым волосам, и его смуглое лицо передернулось.

— Да, памятное местечко!

Инженер вынул из чемодана дорожные шахматы, предложил сыграть партию.

Стучали колеса. Маленькие фигуры из слоновой кости вздрагивали на небольшой — орехового дерева — доске. Инженер Гусев, отлично разыграв дебют, снял ферзевую пешку. Ширяев, теряя преимущество, сделал короткую рокировку. Задумался, вспомнил 1919 год, сложность обстановки в боях под станцией Касторной, зверские пытки белобандитов.

...В офицерском штабе допрашивали поодиночке. Полковник кричал в телефонную трубку и, отбросив в сторону шахматы, злобно прошипел: «Где отряд, красная сволочь?» Телефонная трубка повисла на шнуре, а несколько пешек покатилось по полу. Одна из них задержалась у ног Ширяева.

Ответа не было. Неожиданно среди тишины раздалась пощечина. Ширяев пошатнулся. Его глаза налились кровью. До боли сжалось сердце, и он с ненавистью бросился на полковника...

— Ваш ход, — прервал размышления инженер Гусев. Ширяев обратил внимание на проходную пешку со сломанной головкой. Передвигая ее, исподволь посмотрел в глаза Гусева и объявил гарде. Гусев растерялся, машинально вынул из кармана левую руку в лайковой перчатке.

— Вам шах, — сказал Ширяев, снимая с доски ферзя.

Поезд подходил к Курску. Они встали перед шахматной доской, и Ширяев, сдерживая дыхание, полушопотом произнес:

— Вам мат! Мат той самой пешкой, которой вы швырнули в меня на допросе, господин полковник. Что, узнаете?

Гусев вздрогнул.

— Потрудитесь снять перчатку и покажите руку. На ней нет мизинца: он откушен мною и выплюнут вместе с выбитыми зубами у вас же на допросе, господин полковник...

Рис. С. Зелихмана

Несколько пешек покатилось по полу.

Дж. Алтаузен

Песня о погоде

На баяне, зурне и бандуре
Славим в песнях мы нашу страну.
Запоет Комсомольск-на-Амуре
И в ответ сквозь туманы и бури
Подпевает Ростов-на-Дону.

Льется песня навстречу восходу,
Хорошо нам и радостно жить.
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

Мы разгладим морщины и складки,
Что в заботах на лицах легли.
Веет ветер душистый и сладкий —
Это яблони нашей посадки
На родимой земле зацвели.

Скоро детям веселым в угоду
Будет солнце плоды золотить.
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

Наша родина славой богата.
Все мечты исполняются в срок.
Сын встает за отца, брат за брата,
И летят молодые орлята
Кто на север, а кто на восток.

Я хотел бы по синему своду
Вслед за облаком легким поплыть.
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

Для бойцов на границах далеких,
Самолетам, что в небе парят,
Морякам в океанах широких—
Наши звезды на башнях высоких,
Целый мир озаряя, горят.

Эти звезды, как чистую воду,
Не посмеет никто замутить.
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

А. ВЬЮРКОВ

Комиссар

Рис. С. Зелихмана

Бой за Щапово шел вторые сутки. Ряды красных редели. Обещанное подкрепление где-то застряло, и держаться становилось все труднее и труднее. Несмотря на потери, белые продвигались вперед и подошли к берегу протекавшей около села не широкой, но быстрой и глубокой реки. Саперы их, барахтаясь в воде, стали наводить понтон. Но лишь только они доводили его до середины реки, Иван Иванович, старый артиллерист-наводчик, с поразительной меткостью разносил его вдребезги. Саперы наводили понтон снова. Иван Иванович бил еще раз. В воду летели люди, бревна, доски... Река крутила их и уносила с собою. На место сбитых людей становились новые... В бой за переправу белые бросили все свои резервы. Их орудия засыпали красных снарядами, а у Ивана Ивановича снаряды были на исходе.

В версте от переправы, вниз по течению, был брод. Его защищали партизаны. Костя Агашин, сидя с пулеметом у самой воды, расстреливал противника чуть ли не в упор. Пулемет его накалился, жег руки. От раны в плече темнело в глазах, но Костя не чувствовал ни боли, ни ожогов. Кончалась и лента. Несколько солдатам противника удалось спуститься в воду. Костя взял их на мушку и, не оборачиваясь, крикнул товарищу:

— Костыль! Ленту скорей! Не видишь, что ль, в реку лезут!

Костылев, глядя удивленно в небо, лежал, широко раскинув руки и ноги. Рядом с ним уткнулся в землю весельчак Никиткин. Костя выпустил последний патрон. С реки грохнуло радостное «ура», и белые, как лягушки, поскакали в воду... Потом Костя видел, как поплыл куда-то берег с ними, пропало небо и запахло чем-то горячим и соленым... Костя потерял сознание.

Комиссар Бабак видел, как погибли товарищи Кости и как был ранен Костя. Бабак передал командование товарищу и бросился Косте на помощь.

Смолкло и орудие Ивана Ивановича.

Над селом завизжала вражеская шрапнель.

Пушистые облачка ее поплыли по небу.

Белые начали переправу.

Бабак с досады выругался, подбежал к берегу и на глазах пробиравшихся вброд солдат спрыгнул прямо к Косте в ноги. Раненый зашевелился. Бабак кинул в реку замок пулемета, взвалил Костю на плечо и потащил его на берег. Итти было трудно, ноги в песке расползались. Длинные, отросшие за время походов, волосы лезли на глаза. Сдувая их с переносицы, Бабак решил в первую же дневку остричь их.

Пока белые добрались до Костина пулемета и, отряхиваясь от воды, поднялись на берег, Бабак был уже далеко со своей ношей. Вслед ему засвистали пули. Одна из них провизжала около самого уха. Бабак прибавил шагу. Вдруг он почувствовал, как Костя сразу обмяк и потяжелел.

Бабак остановился. Он опустил Костю на траву, забрал его записную книжку с письмами и снимком стриженой девушки на качелях, поцеловал друга в синие губы и побежал к своим. Издали он заметил, что позиция, занятая его отрядом, оставлена и со стороны переправы на село наступают цепи белых... Бабак свернул на задворки, к огородам. Сзади него, стреляя на ходу, бежали мокрые солдаты. Бабак перемахнул через плетень и бросился в первый попавшийся двор. Привязанный на цепь лохматый пес злобно залаял.

Бабак осторожно вошел в дом. Комнаты были пусты. В одной из них, большой, перед божницей горело несколько лампад. Пахло ладаном, геранью. В углу на гвозде висели поповская камилавка и потертая епитрахиль. На небольшом столике лежали завернутые в зеленый плат крест и евангелие. «К попу влопался!» — подумал Бабак. Он вспомнил, что попа они, перед наступлением белых, арестовали и отправили в тыл. Мелькнула рискованная мысль использовать его отсутствие. Другого выхода не было. Прятаться в комнатах глупо; на дворе выдаст пес. Через минуту-две вбегут солдаты. Бабак сорвал со стены подрясник попа, облачился в него, расчесал перед зеркалом отросшие волосы и давно небритую бородку и выглянул в окно.

К дому подбегали три солдата. Сорвав дверной крюк, они гурьбой ввалились в комнату.

— Во имя отца и сына и святого духа! — благословил их Бабак.

Солдаты опешили. Они молча попятились к двери и исчезли. Бабак улыбнулся. Начало было хорошее. Спустя некоторое время, на крыльце звякнули офицерские шпоры... Бабак сам открыл дверь. Круглолицый, с щетинистыми усами полковник принял от отца Якова благословение, похвалил, что пастырь христов не оставил свою паству в смутное время, и высказал желание завтра, в полдень, отслужить благодарственный молебен.

Отец Яков несколько замялся с ответом:

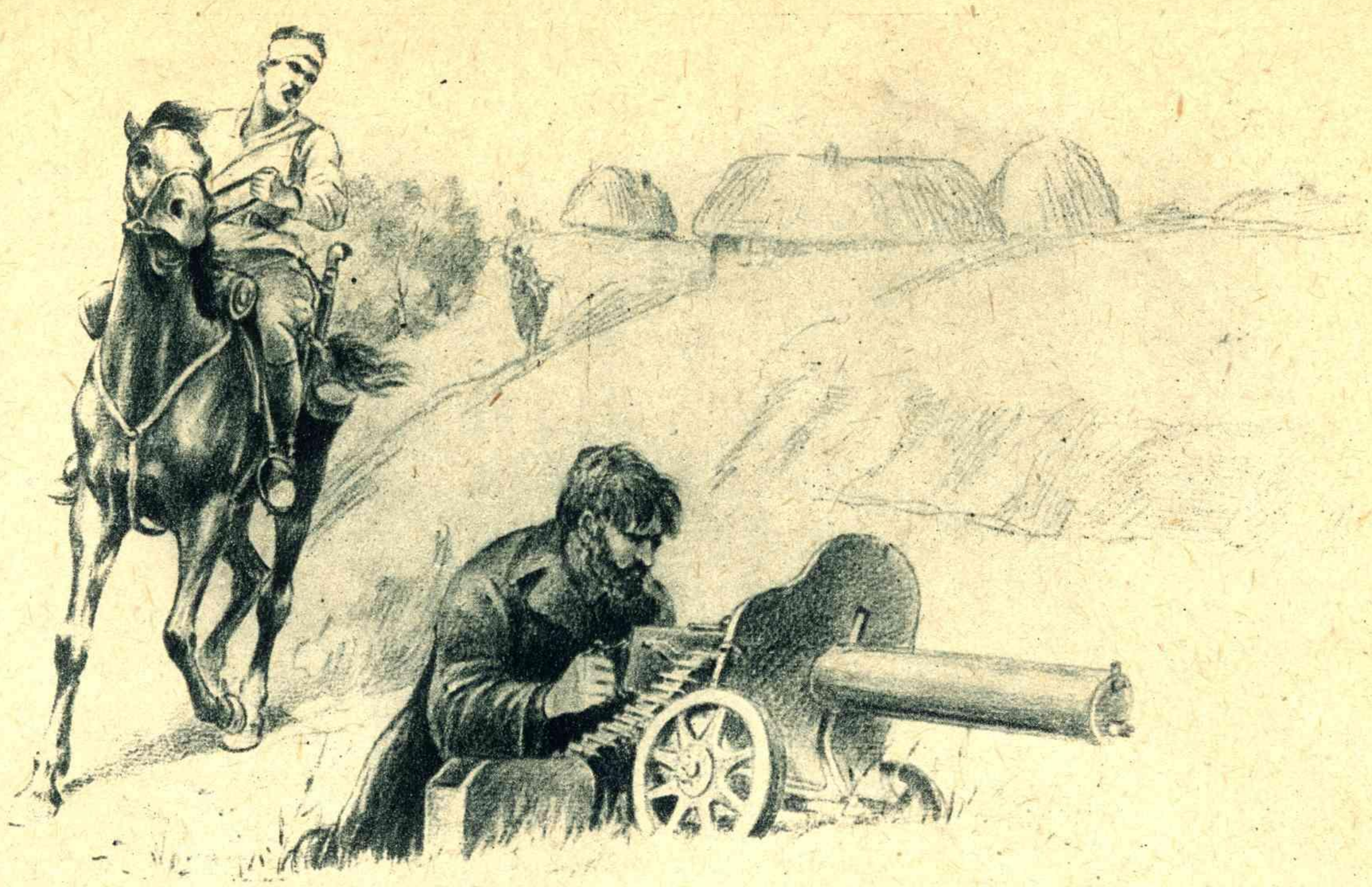
— Как позволит погода, господин полковник.

Полковник покосился на окно. На горизонте лежала черная туча.

— В дождь, конечно, не будем, — сказал он.

Вошли, отдуваясь, начальник штаба и несколько офицеров. Отец Яков извинился и ушел в свою комнату. Предложение полковника служить молебен на глазах видевших его щаповских стариков и баб Бабака отнюдь не устраивало. Надо было что-то предпринимать.

За перегородкой то-и-дело жалобно гудели полевые телефоны. Отдавались распоряжения. Поступали донесения о потерях, обсуждался план дальнейшего наступления. Полковник кого-то распекал, ругался,



Командир осадил коня и подъехал к Бабаку.

топал ногами. Бабак прислушивался и на всякий случай разыскивал в книгах попа требник, в котором излагался обряд благодарственного молебна.

Перестрелка затихала. Изредка потрескивал пулемет. Судя по огню, красные спешно отступали. Бабак отыскал, наконец, требник, но нужные ему страницы так были закапаны воском и захватаны жирными пальцами, что половину текста совершенно нельзя было разобрать. Бабак в раздумье почесал за ухом.

Наступал вечер. Деловые разговоры за перегородкой кончились. Послышались шутки, смех. На кухне загремели самоварной трубой. Зашумел примус. Запахло жареным луком, мясом. За стеной накрывали на стол, звенели посудой. Бабак вспомнил, что он почти двое суток ничего не ел.

—Отец Яков, откушать с нами!— крикнул ему полковник.

Бабак поблагодарил и попросил разрешения откушать у себя в комнате. Полковник согласился.

— Пожалуйста, пожалуйста! Я враг насилий. Егорчук! — крикнул он денщику. — Отнеси батюшке, что там у тебя есть. Господа, прошу!

За перегородкой задвигали стульями, застучали ножами, вилками. Забулькало вино.

— Первый тост, господа, — провозгласил полковник, — за здоровье нашего верховного правителя!

Бабак ел поданные ему американские консервы, английский паштет и думал: «Что делать? Уйти нельзя».

Он слышал, что отдано строжайшее приказание никого не пропускать на линию фронта. И небо, как на зло, проясняется. Неужели придется молебен служить! — До паштета Бабак так и не дотронулся. Выглянул в окно. Около крыльца стоял пулемет. По берегу и по улице бродили солдаты. Вылезли откуда-то бабы и старики. Бегали ребятишки. Бабак закрыл окно и зевнул. После еды потянуло ко сну. За перегородкой чокались, смеялись и пели. Бабак прилег на кровать, закрыл глаза и моментально уснул.

—●—

Проснулся он от страшного грохота.

— Товарищи, спокойствие! — заорал он во все горло и, спохватившись, зажал себе рот рукой.

В доме не слышно было ни одного звука. Бабак приоткрыл дверь. За столом, заставленным пустыми бутылками и грязной посудой, положив стриженую голову на залитую вином скатерть, спал пьяный офицер. Посреди комнаты валялся чей-то сапог. На окне лежал забытый бинокль. Бабак взял его и вышел на крыльцо. У ворот около пулемета сидели два пулеметчика. Между избами суетливо бегали с какими-то узлами солдаты. Крепко ругаясь, обозные спешно запрягали лошадей. Взбивая пыль, вихрем пронеслись к реке казаки... Трещали пулеметы, громыхала артиллерия.

— Что случилось, православные? — подошел к пулеметчикам Бабак.

— Красные прут, — нехотя и озлобленно ответил пулеметчик.

— А вы что же здесь сидите?

— Ждем распоряжения. А тебе что нужно, батя? Лезь в подполье и сиди там со господом!

Бабак посмотрел в бинокль.

— Бегут наши, — тревожно сказал он. — Надо подаваться и нам. Прощайте, братцы!

Пулеметчики переглянулись. Бабак толкнул калитку и вошел во двор.

Через несколько минут он вышел за ворота; пулеметчиков и след простыл.

Бабак не ошибся. Белые отступали. Сбивая все на своем пути, мимо него с грохотом пронеслась конная батарея. Настегивая лошадей, удирал к переправе обоз. Солдаты бежали группами, в одиночку. На берегу стоял пировавший у отца Якова штаб. Полковник, размахивая нагайкой, сам руководил переправой.

Бабак присел к оставленному пулемету, повернул его дулом к штабу и нажал спуск. Офицеров как ветром сдуло. Не ожидавшие красных в тылу, белые бросились врассыпную. Понтон не выдержал тяжести и лопнул...

Бабак перетащил пулемет на середину улицы. Со стороны брода, берегом, охватывая кольцом село, лавой неслись конные партизаны. С правого фланга, с кровавой повязкой на голове, летел, пригнувшись к лошади, командир. Завидев за пулеметом попа, он на полном ходу осадил коня и подъехал к Бабаку.

— Это ты их, батя?! Молодец! Понял, значит, что религия есть опиум?

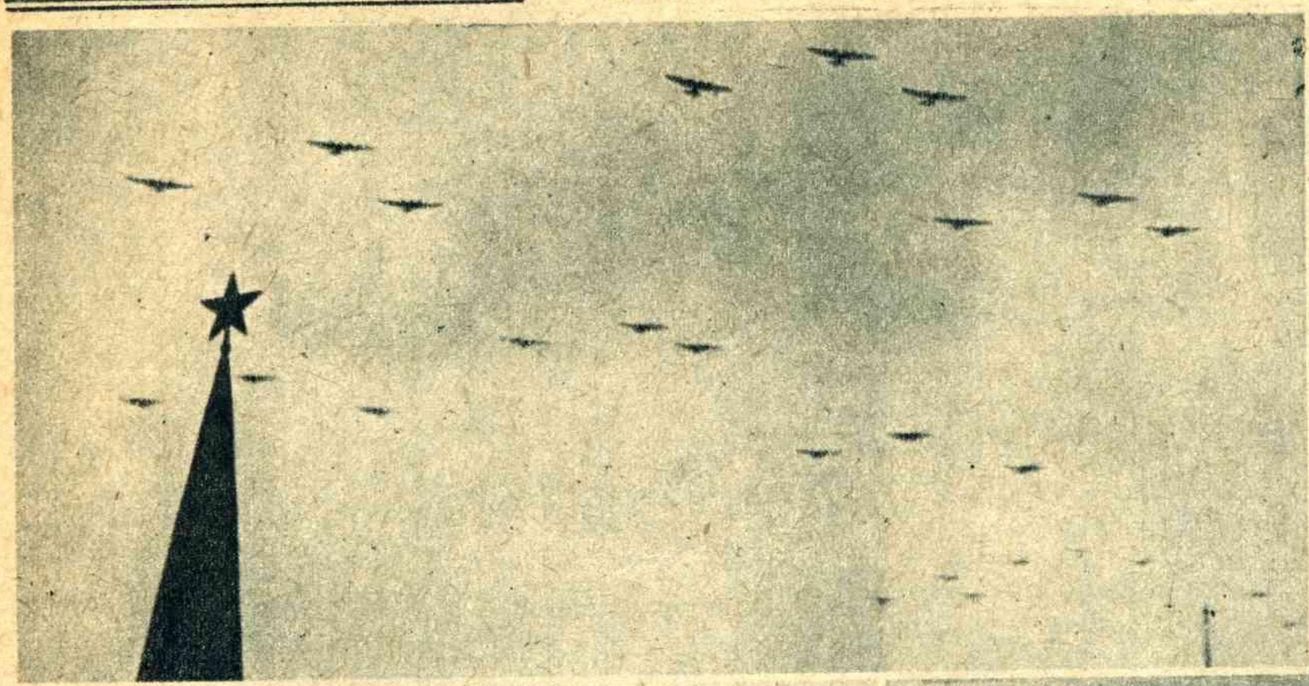
Бабак встал и откинул назад волосы.

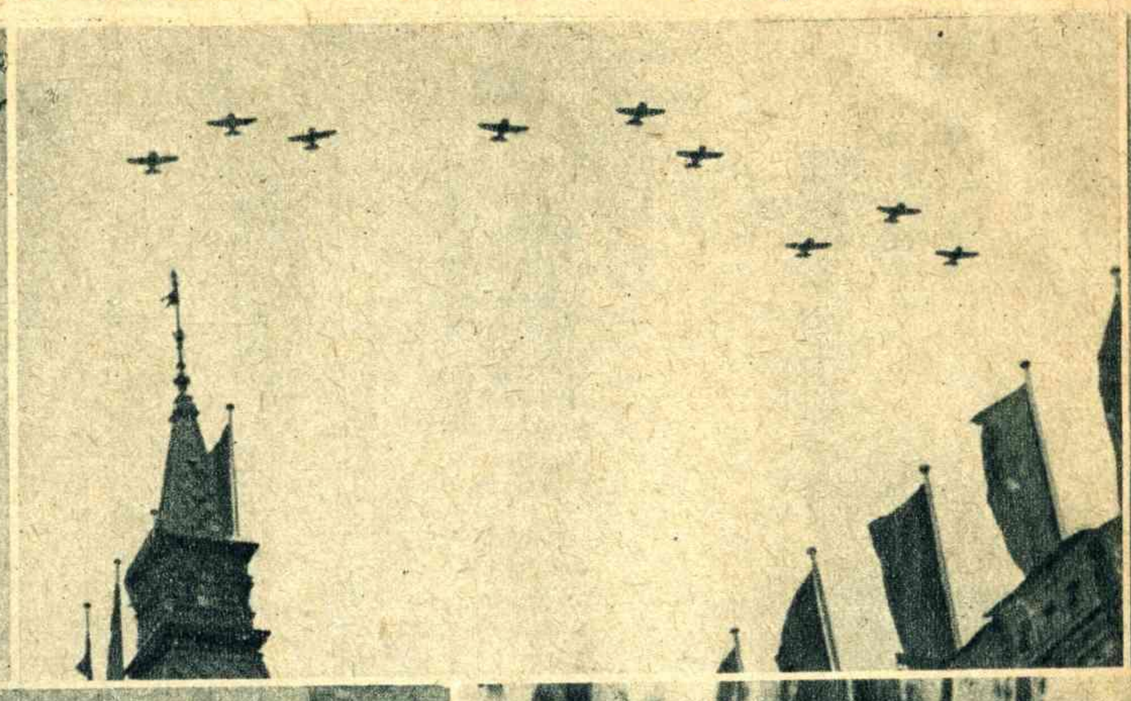
Командир от изумления разинул рот.

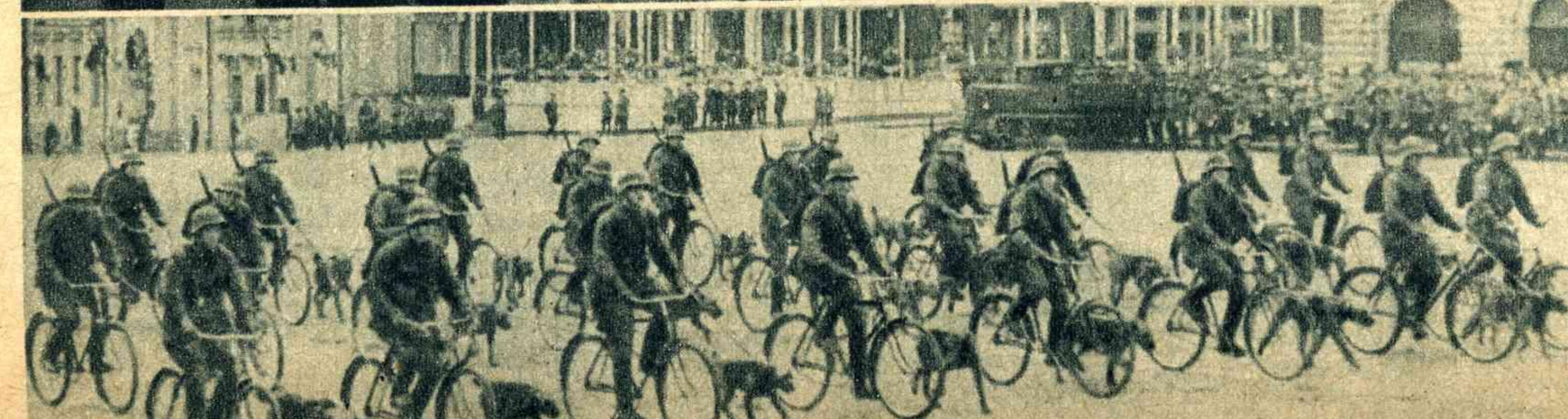
— Бабак! Чорт! Это ты?!

— Я, — засмеялся Бабак. —Подходи, благословлю!

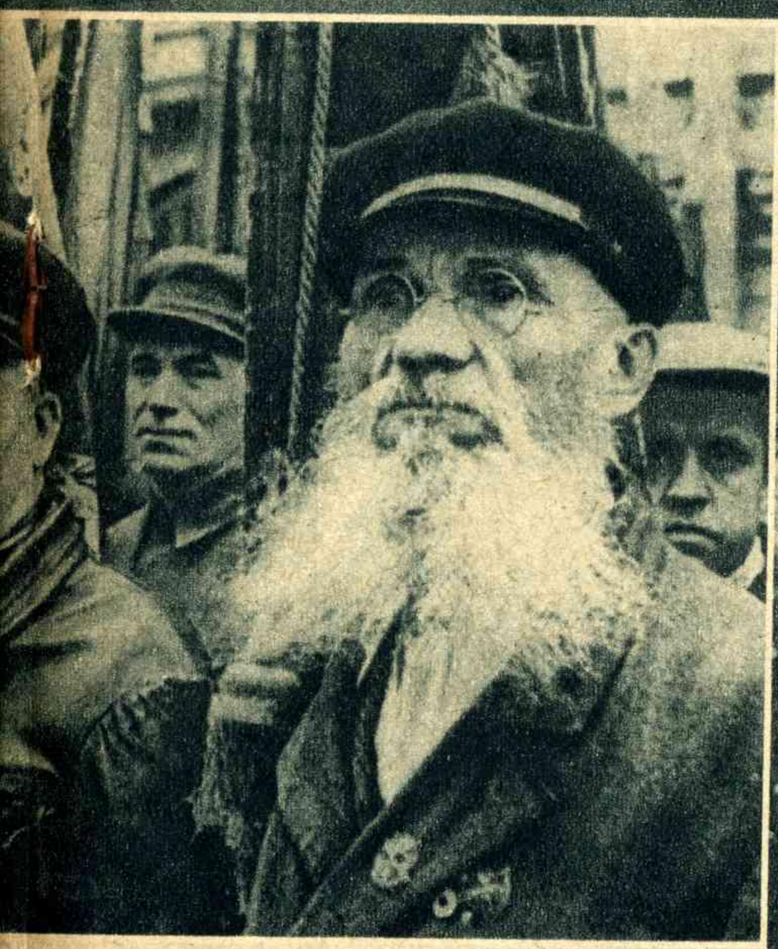
ПЕРВОМАЙСКИЙ ПАРАД НА К

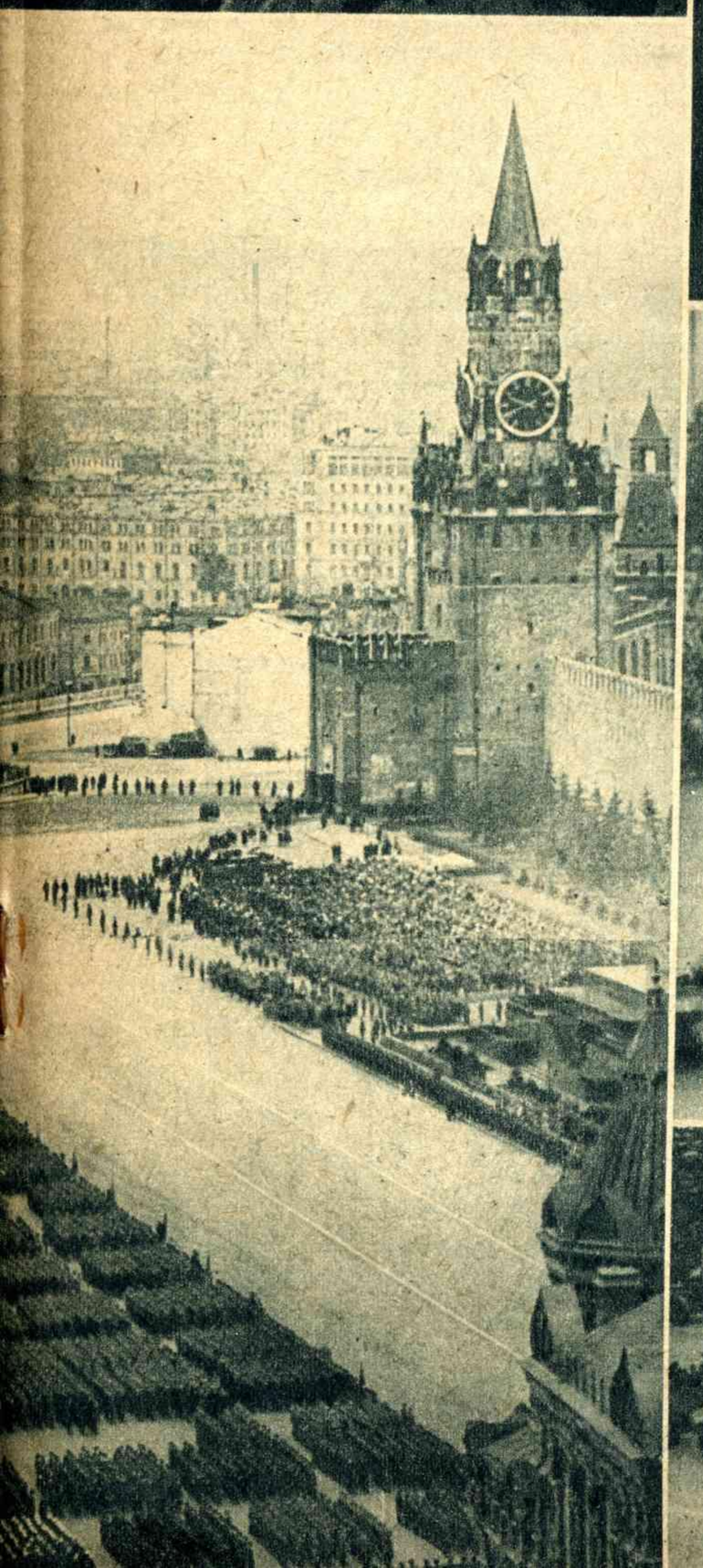


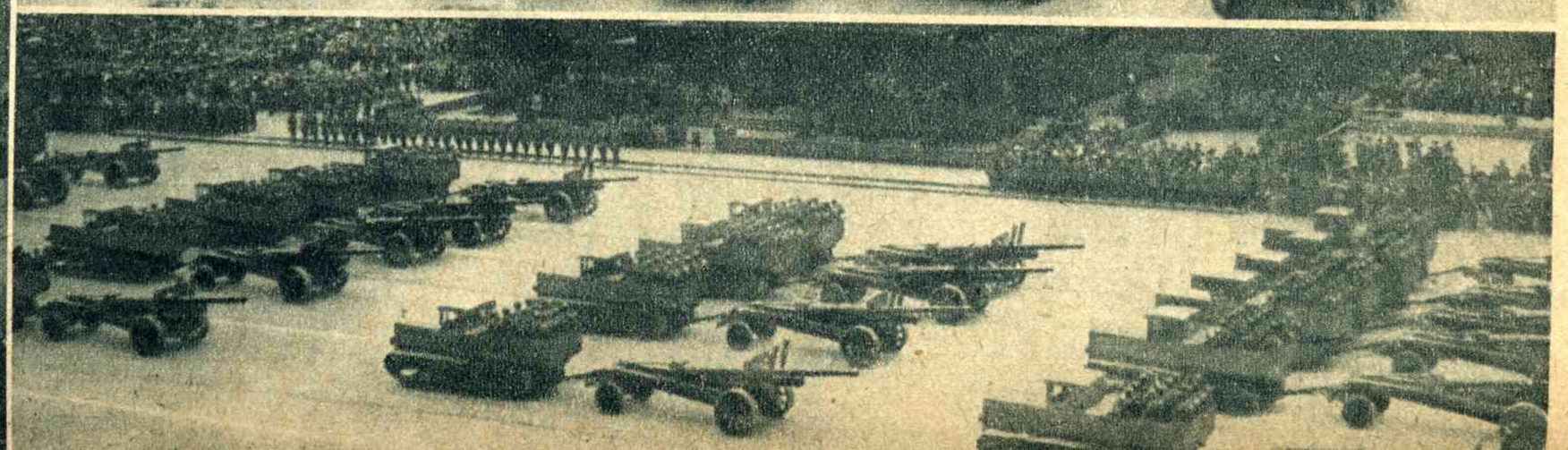




КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ







Н. РОСТОВ

У Золотой горки

Рис. В. Коновалова

От Балтийского до Черного моря тянулась сплошная линия окопов. То прямыми рядами, то извиваясь, точно змеи, они далеко уходили в тыл, в поля, леса и косогоры. Опутанные проволокой, всячески замаскированные, окопы порой бывали незаметны даже для самого опытного наблюдателя с той стороны. А рядом, под самым боком, — без конца убогие могилы. Причудливо перемешивались на этих погостах разные нации. А чаще всего стояли простые столбики с оструганной головкой и лаконической надписью.

То был фронт войны 1914 года. Вначале огромные массы войск передвигались по большим пространствам. В грохоте сражений они то наступали, то откатывались обратно, но долго на месте не застаивались. Затем фронт постепенно застывал, пока не закрепился линией между двумя морями. Тогда началась своеобразная жизнь сотен тысяч людей, зарывшихся в землю.

—●—

Ивана Швайкена в полку прозвали «Орленком».

— Быть бы тебе орлом, — говорили ему товарищи, — да ростом не вышел.

Швайкен, действительно, был маленького роста и на учениях в полку плелся последним в шестнадцатой роте. Из крестьян Харьковщины, Швайкен попал на фронт с первыми кадровыми полками. Он участвовал в операциях в Восточной Пруссии, отступал в районе Мазурских озер, бился под Осовцом, затем Ковной, но как-то судьба выносила. Так он без единого ранения дошел в 1917 году до Золотой горки, что на Западном фронте, и там застрял надолго. Солдат Швайкен был серьезный, службу справлял аккуратно, а в свободные часы был весел и без конца балагурил. За эти качества Швайкена любили в роте, и слава о нем шла по всему полку. Даже начальство звало его «Орленком». Многие новички всерьез думали, что «Орленок» — его настоящая фамилия.

Позиции у Золотой горки были самые гиблые. Кругом болота да топи, местами еле проходимые. Не раз по ним солдаты ходили в атаку. Шли под гибельным пулеметным огнем, по колено в воде да в иле. Но все же шли, не сгибаясь, порой ступали по живому настилу из трупов и брали в штыки неприятеля. Ходил и Швайкен, выполняя боевой приказ; ходил молча, стиснув зубы и ни о чем не думая. В огне сражений некогда было думать о войне, о виновниках гибели сотен тысяч солдат. Да и молод он был, несознателен, как все кругом него молодые парни, еще не так давно оторванные от своих деревень.

И только зарывшись в землю, когда жизнь стала спокойнее, временами можно было подумать обо всем, что творилось кругом.

—●—

Фронт жил своей особой жизнью. Была даже своя, особая газета, которую никто никогда не видел, но все читали. То был знаменитый «Солдатский вестник». От Балтийского и до Черного моря из окопа в окоп, через секреты передавались все новости, слухи. Событие на одном участке быстро становилось достоянием соседей, предметом обсуждений и порою — горячих споров. Эта устная молва и называлась «Солдатский вестник». Из этого «Вестника» черпались темы для размышлений. А мыслей в голове Швайкена становилось все больше и больше. Уже три года он маялся на фронте, и не видно было конца. А главное — с каждым днем он все менее и менее понимал смысл войны. Вначале ему казалось, что потом он во всем разберется. Но чем больше проходило времени, тем меньше он понимал, что творилось кругом. И становилось жутко.

Невыносимо тяжело бывало Швайкену ночами, на посту, где-либо в секрете. Кругом мгла. Тихо. Эта тишина после дневного грохота, стрельбы действовала как-то по-особому. Где-либо рядом вспыхнет ракета, спустится над нашими линиями, продержится на парашюте минуту, все освещая кругом. Затем бухает орудие. Наши начинают отвечать. Постреляют без толку некоторое время и умолкнут до следующей тревоги. И опять спокойно.

Иногда тишина длилась часами. Сидит, бывало, Швайкен в своем секрете, зорко всматривается во тьму, прислушивается к каждому шороху, а сам без конца думает. Все искал ответа на мучившие его вопросы, да не находил. А спросить некого было, да и не решался. Так он и не знал, почему вот уже три года льется кровь, люди, как кроты, зарылись в землю. И длилось это до тех пор, пока одно событие сразу не перевернуло всю жизнь фронта.

—●—

Об этом узнали, прежде всего, на Северном фронте от маршевых рот. И в ту же ночь «Солдатский вестник» оповестил по всем тылам и окопам: в Петрограде восстали рабочие, запасные батальоны примкнули к народу и арестовали министров. А затем новости посыпа-

лись с необычайной стремительностью. В Петрограде победила революция, царь арестован, созданы Советы солдатских депутатов. Разговорам и догадкам не было конца. Когда на фронт попали первые номера революционных газет, их зачитывали до дыр, не спали ночи напролет, ожидая своей очереди. Солдатская мысль сразу связала падение царской монархии с окончанием войны. Ведь войну затеяли цари, и раз царя больше нет — зачем народу воевать?

С первых дней революции Швайкен точно переродился, стал другим человеком. Революционное слово раскрыло ему глаза. Радостная бодрость наполнила все его существо. Он нашел правду, понял многое из того, над чем раньше тщетно бился и чего понять не мог. И как человек крепкой воли, мужественный и энергичный, сделал сразу вывод из новых обстоятельств.

Швайкен стал выступать на солдатских митингах. Его речи бывали складны, горячи. С программами партий он не был знаком, и все его выступления дышали одной лишь стихийной ненавистью к виновникам войны и всех бедствий народных. Солдатская масса, малосознательная, но такая же недовольная, быстро оценила Швайкена. Когда на фронте начались выборы комитетов, его избрали председателем комитета своего, 6-го пехотного полка. Швайкен рьяно принялся за новую для себя работу, организовал комитеты во всех ротах, сам вникал во всякую мелочь, но больше всего учился сам. Он читал все, что попадало на фронт, просиживал за газетами ночи напролет в своей землянке, всячески стараясь усвоить новые понятия, слова, понять сущность того огромного движения, каким был охвачен фронт. Перед его глазами проходила масса людей, измученных, усталых. Он умел читать их задушевные мысли, ибо сам был такой же солдат, три года безвылазно проведший на полях нескончаемой бойни.

Но когда первые восторги по случаю низвержения царизма прошли, Швайкен увидел, что революция основного вопроса солдатской жизни так и не разрешила. Правда, на фронте стало легче, вольнее. Но война попрежнему продолжалась. В этом было главное. И он никак не мог понять, во имя чего Временное правительство продолжало войну, начатую царем в своих, а не народных интересах. И только у большевиков он нашел объяснение этому факту.

—•—

Знакомясь с выступлениями и требованиями представителей разных организаций, Швайкен все более и более сближался с большевиками. Такие мудреные слова, как империализм, капитализм, аннексии, контрибуции, были ему не совсем понятны. Но его сердце радостно билось, когда он слушал выступления против грабительской войны, затеянной богачами, на погибель народу, против помещиков, угнетавших родное ему крестьянство. И вместе со всей солдатской массой он бурно приветствовал всякий призыв кончать войну. Все эти новые слова и близкие ему мысли исходили от большевиков, и Швайкен примкнул к этой партии. Их учение он решил нести в солдатские массы, сделать его достоянием всех полков и дивизий. Он сознавал, что одного устного слова, одной агитации только в своем полку было мало. И Швайкен решил создать окопную солдатскую газету. Дело было трудное, никаких средств и опыта не было. Но твердая воля и страстная уверенность в правоте большевистского дела все преодолели. Вместе с товарищем председателя полкового комитета Галкиным Швайкен изъездил местечки ближнего тыла, раздобывал шрифт, станок, бумагу, учился в типографиях технике газетного дела. В мае в полку появились первые номера газетки «В окопе». Листок этот выходил нерегулярно, печатался часто на желтой, оберточной бумаге. Номер стоил полтинник — цена по солдатскому карману очень высокая. И все же газета расходилась и читалась с большим интересом. Составляли газету сами же солдаты, не всегда складно в литературном и политическом отношении, но зато с большим знанием солдатских настроений и окопных дум. И полились со страниц газетки призывы к ликвидации бойни, к мирной трудовой жизни без царей-угнетателей, без помещиков и богачей.

В июле 1917 года, когда верховным главнокомандующим был генерал Корнилов, на фронте началась ожесточенная борьба против революционно настроенных солдат и их выборных организаций. В штабе корпуса обратили внимание на деятельность Швайкена, на газету «В окопе». По приказу командира, следственная комиссия при штабе возбудила против Швайкена дело, обвиняя его в разложении 6-го пехотного полка.

Фото Н. Сальмина

Зам. политрука тов. Пастор проводит среди бойцов политинформацию по материалам газеты «Правда».

Песня о Тохтамише

Александр ДЕЛИЕВ

ПОСВЯЩАЮ ГРЕЧЕСКИМ ПАРТИЗАНАМ

Под облачной крышей
Трепещет камыш...
На лошади рыжей
*Летит Тохтамиш *.*
Чумарка раскрыта.
Черняв. Кареглаз.
И липнет в копыта
Донецкая грязь.
Прет конница в гике
На Калку — Сиваш.
Из вил у них пики...
Пустой патронташ.
*За Керменчик ** к Невску*
Потоптан овес.
Бежал Май-Маевский,
Оставив обоз.
О схватке шкуровской
Пусть вспомнит камыш...
К степям заднепровским
Летит Тохтамиш...
И сердце кололо.
Друзей он считал:
*Убит уж Цололо *,*
*Мавроди ** -друг пал.*

★

Деникин разбит,
И разгромлен Махно;
Колхозного жита
Желтеет сукно.
Цветет Украина...
Что, Харьков, грустишь?
— Закрыл в вечер синий
Глаза Тохтамиш.
И вспомнил Каракуб,
*Урзуф, Сартана *:*
Глаз карий... папаху...
Чумарку... коня...
В слезах стоят травы,
Но чист небосвод:
Он умер. Но слава
Его не умрет!
Под синею крышей
Трепещет камыш...
На лошади рыжей
Летит Тохтамиш!

* *Владимир Феофанович Тохтамиш* — командир греческого партизанского отряда.
** *Керменчик* — греческое село.

* *Цололо* — начальник батальона.
** *Мавроди* — начштаба.

* *Каракуб, Урзуф, Сартана* — греческие села.

Следствие велось недолго, и 19 июля уже было вынесено решение о предании его военно-полевому суду. Швайкену было приказано явиться в штаб корпуса и подвергнуться аресту.

— ● —

Приказ корпуса пришел в полк утром. Как раз накануне 6-й пехотный полк ушел с передовых позиций и расположился на отдых в ближнем тылу. Адъютант штаба полка через вестового вызвал Швайкена, прочел ему приказ корпуса и приказал в сопровождении ординарца отправиться в штаб корпуса. Швайкен вышел из штаба полка, быстро направился в землянку, где разместился полковой комитет, и велел Галкину собрать представителей всех ротных комитетов. Когда все делегаты оказались в сборе, Швайкен изложил им приказ корпуса. На собрании было решено собрать весь полк и до общего решения никакого ответа на требование корпуса не давать. Через час на опушке соснового бора весь полк, как один человек, стоял тесной толпой. Швайкен в краткой речи сообщил собравшимся приказ корпуса и штаба полка.

— Сначала арестуют меня, потом возьмут других товарищей, и генерал Корнилов закует нас всех опять в колодки царского режима, — говорил он. Солдаты дружно кричали:

— Постоим! Не выдадим! Долой генерала Корнилова!

Когда шум и возбуждение понемногу улеглись, было решено известить штаб корпуса, что полк отказывается выдавать своего председателя. А если следственная комиссия желает допросить его, то пусть приезжает в распоряжение полка.

Такое сообщение послали в штаб корпуса. Как только это решение стало там известно, сейчас же был отдан приказ силой взять Швайкена и Галкина. Казачьему отряду, под начальством полковника Калмыкова, было приказано окружить 6-й пехотный полк и произвести аресты.

21 июля, рано поутру, казачьи пикеты появились в расположении 6-го полка. Вестовой полковника Калмыкова подъехал к землянке полкового комитета и от имени командира потребовал, чтобы Швайкен и Галкин сами явились к полковнику Калмыкову. Получив отказ, вестовой ускакал.

Прошел час. Весь полк ждал событий. Взволнованные солдаты собирались по ротам, обсуждая требования начальства. Вскоре вестовой Калмыкова снова появился.

— Полковник Калмыков приказал сообщить, что, ежели через полтора часа Швайкен и Галкин не явятся к нему добровольно, по полку будет открыт огонь, — заявил он.

В ответ на это вестовой был задержан и обезоружен. Полк сейчас же был приведен в боевую готовность. Большинство офицеров также было задержано в расположении полка. Только командиру и некоторым офицерам было разрешено покинуть свою часть, что те и сделали.

— ● —

Наступление корниловцев на 6-й пехотный полк не явилось неожиданностью. Еще накануне, по решению полкового комитета, Швайкен выработал план сопротивления, составил точную диспозицию для всех рот. Как только ультиматум полковника Калмыкова стал известен, Швайкен призвал полк к сопротивлению. Вместе с Галкиным он посетил соседний пехотный полк и просил солдат оказать помощь. Один батальон снялся со стоянки и пришел в расположение 6-го полка, но вскоре, под влиянием своих офицеров, вернулся обратно.

Через полтора часа срок ультиматума истек. Полковник Калмыков приказал артиллерийскому взводу выпустить несколько шрапнелей высокого разрыва. Забухали орудия, и над расположением 6-го полка посыпалась шрапнель, но ни убитых, ни раненых не оказалось. Когда выстрелы смолкли, к казацким заставам вышла делегация пехотинцев.

— За что вы нас расстреливаете?— спрашивали солдаты. — Ведь мы такие же, как и вы. И боремся мы против царской войны, которая и вам до смерти опостылела.

Но казаки были неумолимы.

— Выдайте Швайкена и Галкина, — крикнул делегатам подошедший Калмыков, — и все будет кончено. Даю вам еще раз час на размышление. А ежели и на этот раз не выполните приказа, войска пойдут в атаку!

Как раз к этому времени в район прибыли части 42-й пехотной дивизии, и Калмыков уже имел достаточно сил, чтобы подавить выступление 6-го полка.

Через час начался бой. То было первое революционное восстание солдат на фронте против империалистической войны и Временного правительства.

Швайкену было поручено командование восставшими. Его энергичную фигуру солдаты видели повсюду. То верхом под огнем наступавших объезжал он передовую линию, то вместе с бойцами рыл окопы и сооружал прикрытия. Всюду за ним следовал Галкин. Третий руководитель восстания Коковин захватил шесть батарей и пулеметную команду, орудия были повернуты на восток и огонь направлен по штабу дивизии.

Восставшие не раз переходили в атаки и успели захватить полотно железной дороги. Три часа длился бой. Сухо трещали винтовки, частую дробь отбивали пулеметы, и лишь изредка рев орудий заглушал пальбу с обеих сторон.

К вечеру бой стал стихать. Первые покинули пехотинцев артиллеристы. Они сняли замки с орудий и удалились. За ними последовали в свои землянки три роты 6-го полка. Эта измена деморализовала остальные роты. Тогда Швайкен и Галкин предложили прекратить сопротивление и с наступлением сумерек скрылись из расположения полка. После этого полк сдался. Швайкен и Галкин намеревались пробраться в Петроград, но на станции Вейка были опознаны и арестованы.

Наступили последние дни жизни «Орленка». На допросе он держал себя с редким мужеством и самообладанием. Он прямо изложил свои чаяния и стремления. Восстание 6-го полка могло послужить сигналом к выступлению всей дивизии, а затем и армейского корпуса. Под напором восставших Временное правительство должно было капитулировать, и это послужило бы началом конца империалистической войны. Но Швайкен тут же настойчиво утверждал и очень просил записать это в протокол допроса, что больших надежд на выполнение плана у него самого не было. На выступление полка он смотрел лишь как на демонстрацию, которая послужит прообразом для будущего, более обширного восстания.

Таким же мужественным и смелым Швайкен предстал и перед военно-полевым судом армейского корпуса. На скамье подсудимых вместе с ним сидел еще двадцать один его товарищ по полку. Швайкен не оправдывался, не каялся, а лишь настойчиво повторял:

— Наше выступление 21 июля 1917 года было только демонстрацией, пробой сил. Главный бой впереди. Когда все солдаты фронта и тыла поймут всю преступность войны, которая вот уже три года ведется на погибель народную, они пойдут по нашему пути.

Военно-полевой суд совещался недолго. Швайкен, Галкин и Коковин были приговорены к смертной казни; девятнадцать солдат — к каторжным работам. Свой смертный приговор Швайкен выслушал в глубоком спокойствии.

В тот же день приговор был утвержден. А на заре свершилась казнь. Кругом еще все спало. Только вдали, на западе, начался обычный фронтовой день. Оттуда доносились редкие выстрелы, и где-то в воздухе гудел мотор разведчика. Швайкена, Галкина и Коковина вывели на опушку леса, где недавно происходило последнее собрание полка. Лес этот густо покрывал холмы, длинной грядой уходившие на восток. Лишь у болотных низин деревья редели и чахли. Галкин и Коковин были подавлены. Один лишь «Орленок» был покоен.

Всех троих поставили на холмике у трех сосен. Швайкен прижался к стволу и горящими глазами смотрел на запад. Сквозь редкие деревья он отчетливо видел на горизонте весь участок фронта. Кое-где еще дымился легкий утренний туман, местами стлался дымок выстрелов.

Вот он, фронт войны! Сколько раз он стоял лицом к лицу со смертью, да все как-то вывозило. Прямо впереди высилась Золотая горка. Вон болота, где уложено столько солдатских косточек. А за ними начинались неприятельские окопы.

И вспомнил Швайкен осенние темные ночи, дождь без конца. И стоит он, промокший до костей, в передовом секрете. Не раз шальной снаряд тыкался у самого носа и обдавал его грязью и осколками. Да вот не брала смерть. А теперь...

Перед ним стоял взвод из соседнего пехотного полка.

«Искупают вину», — подумал Швайкен. Он взглянул на солдат, и у него вырвалось:

— Эх, темнота ты наша, вековечная!

И ему особо горько стало, что вот теперь погибать приходится не в бою и не от вражеской руки, а от пули своего же товарища, несознательного брата. И он снова вслух повторил:

— Эх, темнота ты наша!

Взвод стоял, понуря головы, ружья к ноге. Командовал молодой поручик. Тут же стояла группа офицеров 6-го полка. Когда фельдфебель протянул руку, чтобы завязать глаза, Швайкен отстранил его.

— Зачем глаза завязывать? Разве я не солдат, али смерти боюсь?

Тут его взгляд упал на Галкина и Коковина. Полуживые, с почерневшими лицами, они безмолвно стояли, держась за стволы. Швайкену стало больно за них. Его голос дрогнул. И он обратился к ним:

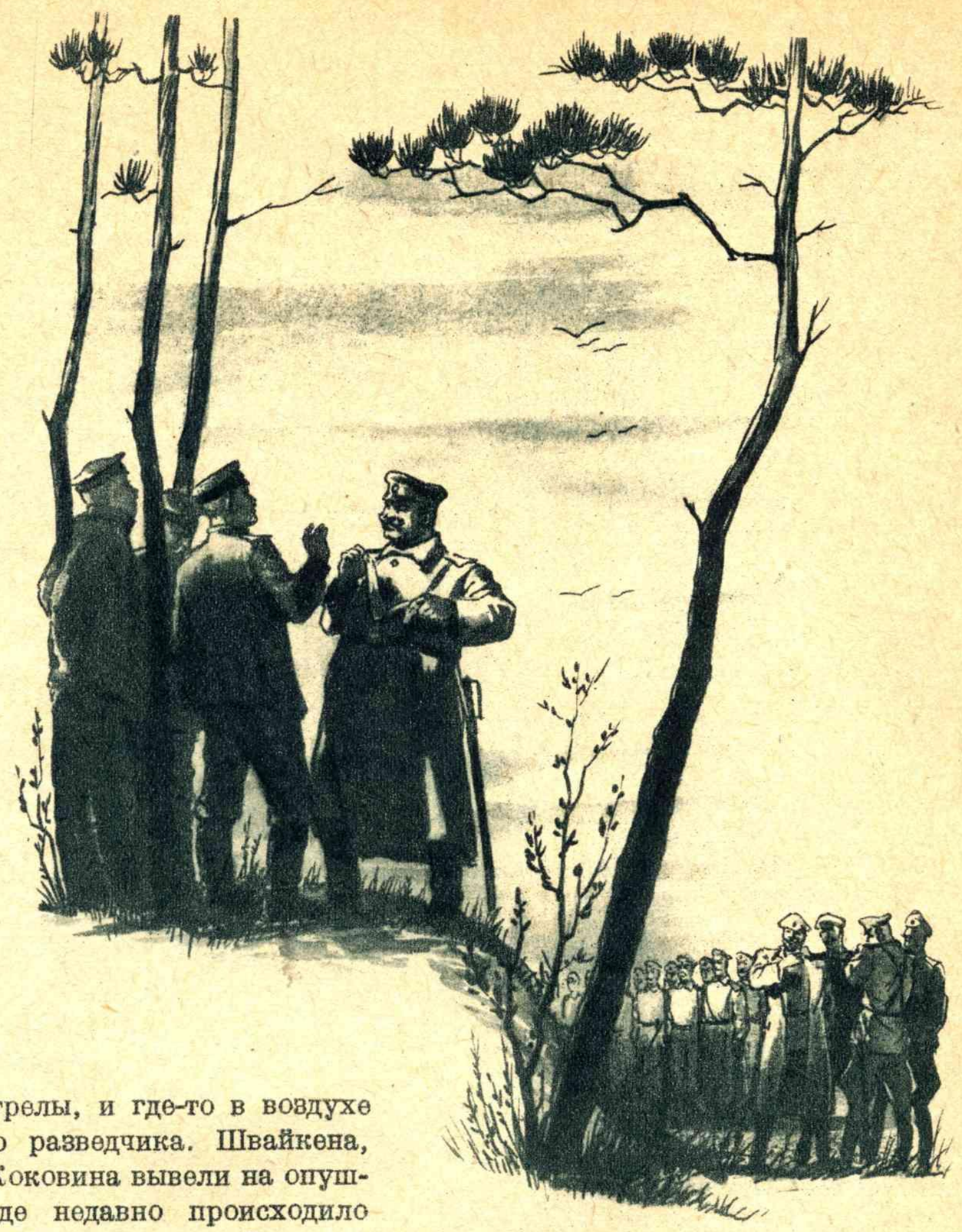
— Простите меня, братцы!

Но те как будто ничего не слышали.

Раздалась команда. Ударили два барабана. Взвод взял ружья на руки. Швайкен выпрямился и, силясь перекричать бой барабанов, твердым голосом крикнул стоявшим впереди:

— Только, братцы, запомните, погибаем мы за правое дело и за вас всех...

Поручик взмахнул рукой. У солдат руки дрожали, получился не залп, а беспорядочная стрельба. Швайкен, точно подкошенный, упал, протянув вперед руки.



Когда фельдфебель протянул руку, чтобы завязать глаза, Швайкен отстранил его.

П. БЕРЕЗОВ

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ

(К 750-летию „Слова о полку Игореве")

Из глубины веков, через десятки поколений, сквозь все исторические испытания дошло до нас замечательное «Слово о полку Игореве» — этот нетленный памятник седой старины, сохранивший на себе следы героической истории великого русского народа. Насыщенное героическим пафосом, согретое благородным чувством патриотизма, овеянное горячим дыханием высокой поэзии, это прекрасное литературно-художественное произведение XII века отразило народные чаяния и думы, настроения и стремления. В этом шедевре древнерусского искусства получили художественное выражение несгибаемая воля русского народа в борьбе за свою национальную свободу и независимость, его доблесть, отвага, любовь к родине.

Время создания «Слова о полку Игореве» точно неизвестно. На основании тщательного исследования его текста ученые считают, что оно было написано между 1185 и 1188 годами. Подлинник рукописи пропал бесследно в незапамятные времена. Не сохранились и наиболее ранние списки с него. Лишь копия, относящаяся к XVI веку, была случайно найдена в 1795 году среди других архивных рукописей. Однако, и этот сравнительно древний экземпляр «Слова» сгорел в 1812 году во время известного московского пожара. Уцелела до наших дней лишь рукописная копия, снятая в 1796 году с этого впоследствии сгоревшего экземпляра, и, кроме того, сохранился первопечатный его текст, впервые изданный в 1800 году.

«Слово о полку Игореве» — это поэтическое сказание о походе русских войск в 1185 году против половцев — кочевых племен тюркского происхождения. Древней Руси приходилось вести ожесточенную борьбу со степными кочевниками. Эта борьба имела исторически-прогрессивное значение, так как опустошительные набеги диких кочевников подрывали растущую культуру русского народа, угрожали его национальной независимости и национальному существованию, сопровождались кровавой расправой с мирным населением русских городов и деревень.

Особенно страдали от этих набегов южно-русские области, расположенные по соседству с половцами, которые с XI века обосновались в районе Азовского моря и реки Дона и преградили русским доступ к южным морям по водным путям. В целях национального самосохранения, русские неоднократно переходили от обороны к наступлению на своих врагов. Однако, общественно-государственное устройство феодальной Руси мало благоприятствовало победе русского оружия. Русь того времени была раздроблена на мелкие княжества, часто враждовавшие между собою.

Заглавный лист „Слова о полку Игореве" работы палехского мастера И. Голикова.

Их выступления против кочевников были разрознены, не были объединены общим руководством и потому нередко кончались поражением. Вот об одном из таких печальных событий повествует безыменный русский поэт XII века в своем вдохновенном «Слове о полку Игореве», полном скорбного лиризма и напряженного драматизма.

Весною 1185 года князья Северской области без ведома князей других областей, в частности, без ведома великого князя киевского Святослава, предприняли поход против половцев. Во главе русской дружины встал Игорь, князь новгород-северский. Отдельными отрядами командовали ближайшие родичи Игоря — сын Владимир, князь путивльский, брат Всеволод, князь трувчевский, племянник Святослав, князь рыльский. События этого похода излагаются автором «Слова» в основном правдиво, в соответствии с летописными сказаниями. Именно так понимал древнерусский поэт свою задачу, заявляя во вступительной части своего произведения о том, что он будет слагать «песнь по былинам сего времени».

Повествование начинается с характеристики Игоря, «который напряг ум крепостью своею и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую». Высокая оценка дана и боевым качествам рядовых дружинников. Это — «бывалые вòины: под трубами пòвиты, под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; сами скачут, словно серые волки в поле, ищучи себе чести, а князю славы».

Поход Игоря в самом начале сопровождается зловещими предзнаменованиями: «Солнце ему тьмою путь заступало, ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила... Уже весть о беде несет ему птица по дубовью; волки грозу сулят по оврагам; орлы клекотом на кости зверя зовут; лисицы лают на багряные щиты». Однако, даже это не поколебало решимости русской дружины: «Лучше убиту быть, нежели полонёну быть».

Первый бой с половцами кончился их разгромом, большой победой русских. Но вот на другой день «ранней ранью кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (т. е. погубить четырех князей), — а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Итти дождю стрелами с Дону великого! Тут-то копьям проломиться, тут-то саблям потупиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле у Дону великого». Закипает второй бой с главными половецкими войсками.

Поэт с большим подъемом повествует о героизме русской дружины: «С зари до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья харалужные * в поле незнаемом среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костьми была засеяна и кровью полита: скорбью взошли они по Русской земле». Особенно красочно изображается отважный князь Всеволод: «Яр-тур** Всеволод! Стоишь в

Иллюстрация к „Слову о полку Игореве" работы палехского мастера И. Голикова.

* *Харалужные* — булатные.
** *Яр*—храбрый, пылкий; *тур*—буйвол.

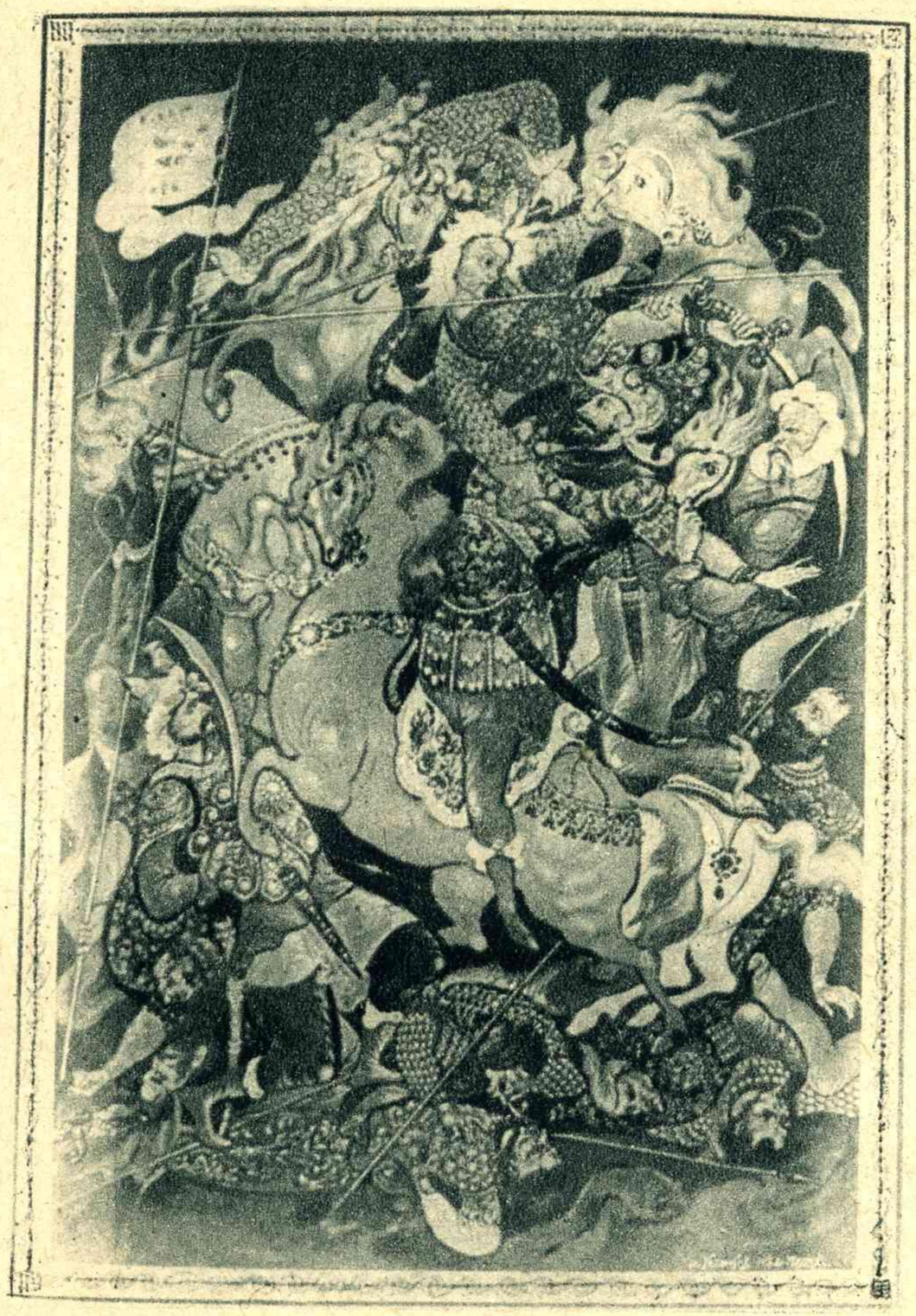
обороне, брызжешь на воинов стрелами, гремишь о шеломы мечами харалужными. Куда, тур, ни поскочишь, своим златым шеломом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие; расщеплены саблями калеными шеломы аварские* тобою, яр-тур Всеволод!»

Однако, несмотря на свое мужество, стойкость и самоотверженность, русские войска потерпели решительное поражение: «Билися день, билися другой, третьего дня к полудню пали стяги ** Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало; тут пир покончали храбрые Русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с тоскою к земле приклонилось».

Скорбит и автор «Слова». Он с горечью говорит о том, что плененный половцами Игорь князь пересел «из седла злата, да в седло холопское». Вместе с тем поэт упрекает Игоря и других князей в том, что они выступили против половцев самочинно, без согласования с другими князьями, что своими раздорами и междоусобицей князья способствовали поражению русских войск: «Сказал брат брату: «Вот — мое, и вот — мое-же». И начали князи про малое «вот — великое» молвить и сами на себя крамолу ковать; а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую». В целом ряде лирических отступлений автор горько вспоминает о том, как «тогда по Русской земле редко пахари кричали, но часто вороны вещали, трупье себе поделяя, да галки свою речь лопотали, готовясь лететь на убдину».

Рисуя мрачные картины национального горя и позора, поэт наряду с этим воскрешает славные, победные эпизоды борьбы русских с половцами. Он вспоминает о другом походе против половцев, совершенном в 1184 году киевским князем Святославом, который врага «грозою было приустрашил; своими сильными полками и харалужными мечами на землю Половецкую; притоптал холмы и овраги, возмутил реки и озера, иссушил потоки и болота; а поганого Кобяка*** из лукоморья из железных великих полков половецких, словно вихрь, вывихрил; и простерся Кобяк во граде Киеве во гриднице Святославовой».

Образ этого Святослава в «Слове» явно идеализирован и опоэтизирован. Святослав наделен государственной мудростью, чувством горячей любви к родине. Поэт заставляет своего любимого героя «изронить злато слово со слезами смешано». С этим «златым словом» Святослав обращается поочередно к наиболее влиятельным князьям, взывая к их национальному самосознанию и национальному чувству, призывая их к объединению, к организации совместной борьбы, к дружному отпору общего врага, к священной мести половцам «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича». С целью поднять боевой дух князей, побудить их на борьбу, Святослав вспоминает их боевые подвиги и победы в прошлом, с похвалой отзывается об их личной доблести и военной мощи их дружин. В этом заключался и основной замысел самого поэта, который своим художественным произведением хотел вызвать патриотический подъем и тем самым способствовать объединению своего родного народа и организации защиты своей родины.



С той же целью в конце «Слова» помещен знаменитый «плач» Ярославны, жены Игоря. Эта изумительная жемчужина древнерусской поэзии сверкает яркими поэтическими образами, она отличается чарующей музыкой слов и захватывает глубокой лирической задушевностью. В этом «плаче» выражены скорбь и горе русских женщин того времени по поводу трагической гибели их мужей, отцов и сыновей, в нем слышится пламенный призыв к тем, кто остался в живых и кто должен был встать на защиту родины.

В заключении «Слова» кратко повествуется о бегстве Игоря из половецкого плена. Эта часть произведения написана в светлых, ликующих тонах. Сама природа радуется и способствует побегу: «Тогда вороны не каркали, галки позамолкли, сороки не трескотали, — по сучьям ползали только. Дятлы стуком путь к реке кажут; соловьи веселыми песнями свет возвещают». Вместо прежней плавности речи, повествование заканчивается в убыстренном темпе, что создает бодрое, подъемное настроение. «Страны рады, грады веселы... Князьям слава и дружине!» Этой торжествующей концовкой завершается высокопоэтическое «Слово о полку Игореве».

В этом небольшом по размеру произведении заключается весьма значительное содержание, отображено все многообразие и своеобразие эпохи феодальной Руси. Поэт не ограничился лишь основной темой «Слова». Повествуя о походе Игоря на половцев, он, в порядке лирических отступлений и дополнений, дал много ярких зарисовок древнерусского быта, феодальных взаимоотношений, княжеской междоусобной борьбы, боевых эпизодов более древних времен. В соответствии с этим, «Слово о полку Игореве» весьма сложно и по своим поэтическим интонациям, и по своему художественному оформлению. В основном оно написано в тоне исторической воинской повести, которая, однако, часто переходит то в волнующую лирическую песню, то в страстный политический памфлет.

Имя автора неизвестно. Весьма неясно и его происхождение. Ученые предполагают, что он или принадлежал к дружине Игоря, или был сторонником, приближенным киевского князя Святослава, или входил в состав волынско-галицкой дружины. Наконец, высказывались предположения, что творец «Слова о полку Игореве» являлся общенациональным поэтом, подобно скандинавским скальдам.

Но если все эти высказывания и предположения спорны и противоречивы, то совершенно ясен и бесспорен самый характер личности поэта. Это — прежде всего великий патриот, горячо любивший свою родину, остро переживавший ее неудачи, страстно желавший национальной независимости своего народа, его государственного единства, мирного процветания и могущества.

Идеалом создателя «Слова о полку Игореве» был человек-герой, мужественный воин, закаленный в боях, беззаветно преданный своей родине, страстно ненавидящий врагов своего народа. Вот почему этот благородный образ безыменного поэта и его вдохновенное поэтическое сказание до сих пор волнуют нас и заражают лучшими человеческими чувствами. Они волнуют так же глубоко и сильно, как героическая поэма великого грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», 750-летие которой народы Советского Союза торжественно отмечали не так давно. «Лучше убиту быть, нежели полонёну быть!» — восклицает автор «Слова о полку Игореве». «Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор!» — мужественно говорит творец «Витязя в тигровой шкуре», великий современник древнерусского поэта. «Нам лучше стоя умереть, чем жить, склонив свои колени!» — гордо заявляет героиня наших дней, славная представительница и доблестная дочь испанского народа, бурнопламенная Долорес Ибаррури. Так дружно в один голос перекликаются между собою лучшие люди разных стран и разных эпох...

---

* *Авары* — название народа.
** *Стяги* — знамена.
*** *Кобяк* — один из половецких ханов.

По своим поэтическим способностям создатель «Слова о полку Игореве» был весьма одаренным народным «самородком», стоявшим несравненно выше всех известных нам русских писателей того времени. Будучи тесно связан с народной жизнью, он питался из живых родников устной народной поэзии, щедро черпал поэтические сокровища из богатейших запасов народного песнетворчества. И хотя в начале «Слова» поэт предупреждает, что будет повествовать «не по замышлению Боянову», т. е. не в духе легендарного русского народного певца Бояна, тем не менее «Слово о полку Игореве» и по языку, и по композиции, и по речевому ритму во многом сближается с фольклором, в частности — с былинами. Поэт часто обращается к богатейшему арсеналу художественных средств и поэтических приемов, выработанных устным народным творчеством. Яркообразная символика, пышные метафоры, меткие сравнения, характерные эпитеты, поэтические олицетворения, параллелизмы, повторения, обращения — все эти специфические особенности народной поэзии органически присущи «Слову о полку Игореве», придавая ему характер и значение доподлинно народного произведения не только по содержанию, но и по форме.

Благодаря своим высоким поэтическим достоинствам «Слово о полку Игореве» завоевало мировую известность. Будучи переведенным почти на все западноевропейские языки, оно явилось для всех первым литературно-художественным документом, свидетельствовавшим об огромных творческих возможностях великого русского народа. «Слово о полку Игореве» по существу открыло собой историю великой русской художественной литературы, литературы мировых гениев художественной мысли — Ломоносова, Пушкина, Л. Толстого, М. Горького.

Русский народ и вместе с ним народы всех братских республик Советского Союза вправе гордиться замечательным художественным произведением глубокой древности, которое только в наши дни, в стране Советов могло получить всенародное признание и должную оценку. Нам близки, дороги и понятны благородные чувства, мысли и желания, которые когда-то волновали великого патриота — творца «Слова о полку Игореве». Его страстная мечта о свободе и независимости своего народа полностью осуществилась в стране победившего социализма, где достигнуто «невиданное раньше внутреннее моральное и политическое единство народа» (В. Молотов), где могучая, непобедимая Красная Армия, вдохновляемая великим Сталиным, непоколебимо и грозно стоит на страже социалистической родины и готова под испытанным боевым руководством товарища Ворошилова отразить и уничтожить любые полчища современных дикарей — фашистов, если они посмеют напасть на священные границы Советского Союза.

Ив. Новиков

„Злато-слово“ Святослава*

В «Слове о полку Игореве» центральное место занимает так называемое «злато-слово» Святослава, где с огромною силой выражен призыв к единению в борьбе с наседавшим внешним врагом. Но обращение Святослава к другим князьям не стоит в поэме изолированно.

После картины бедствий, постигших Русскую землю в результате неудачного похода Игоря, автор от себя укоряет молодых Ольговичей и дает яркую картину Святославова похода, бывшего за год до похода Игоря.

Так-то двое они,
Игорь да Всеволод,
Храбрые Святославичи,
Старое лихо
Самовольством своим
Вновь пробудили,
А его усыпил было
Их отец Святослав,
Грозный, великий
Князь Киевский.
Грозою
Притрепал он поганых
Полками могучими,
Мечами булатными,
Наступил на землю
Половецкую;
Притоптал там
Холмы и овраги,
Возмутил
Озера и реки,
Иссушил
Потоки, болота...
А Кобяка поганого
Из Лукоморья его,
От железных, великих
Полков половецких
Словно вихрь, отторг.
И пал Кобяк
В граде во Киеве,
В гриднице Святославовой.

Так было недавно. И вот все переменилось. Четверо русских князей взяты в плен, и половцы снова рыщут по Русской земле. Иностранцы при дворе Святослава жалеют и осуждают князя Игоря. Под впечатлением именно этих толков Святослав видит сон, в высшей степени искусно построенный, где вся эта тяжелая действительность переплетается с криками воронов, несущихся к синему морю. Бояре «разгадывают» этот сон, который напрасно именуется некоторыми исследователями «вещим» сном. Сон Святославу ничего не открыл, ему уже все было известно.

И вот на фоне бедствий Русской земли, былых побед, сменившихся поражением, двусмысленных речей иностранцев, навеявших тяжелый сон, обращение Святослава звучит особенно ярко и обоснованно. Мы уже знаем из предыдущей части поэмы всю обстановку — грозную, внушающую тревогу. Дело не в одном Игоре и прискорбном факте пленения русских князей. Речь идет о судьбах всей Русской земли и о том, чтобы пробудить в ней спасительное чувство единства.

Как поэтом построена эта речь? Построена она мастерски. Построена она так, как именно мог сказать

* Автору помещаемой статьи, советскому писателю Ивану Новикову принадлежит новый перевод «Слова о полку Игореве», который выходит отдельным изданием в издательстве «Художественная литература». В статье даны отрывки из этого нового перевода.

великий князь киевский, поставивший перед собою определенную задачу. Здесь все целеустремленно, сжато, выпукло, энергично. Святослав хорошо знает тех князей, к которым он обращается. В речи этой, как ее дал нам автор «Слова», Святослав — патриот и дипломат. Он никому, кроме Игоря и Всеволода, не шлет укоров, хотя и мог бы их сделать. Он лишь дает яркие образы их воинской мощи и призывает обратить ее на правое дело.

Вот его обращение к князю Всеволоду Суздальскому, по прозванью «Большое гнездо»:

О великий князь
Всеволод!
А не мыслишь ли ты
Прилететь издалеча —
Отчий злат-престол
поберечь...
А ведь можешь ты Волгу
Веслами всю раскропить,
Дон шеломами
Вычерпать!

Отец Всеволода был великим князем киевским, и к нему впервую очередь и обращается великий князь киевский Святослав. Всеволод был большою и все возраставшею силой. Святослав вспоминает его победоносные походы на волжских болгах, бывшие незадолго до того.

А вот знаменитое обращение к могущественному князю Галицкому Ярославу:

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
На престоле своем
Златокованном,
Горы подпер Угорские
Своими полками,
В железо одетыми,
Заградив путь королю,
Затворив Дунаю ворота,
Перекидывая громады войск
Через облаки,
Суды до Дуная рядя.
Грозы твои по землям текут:
Отворяешь врата Киеву,
Стреляешь
Со злата-стола отчего
Султанов за землями...
Стреляй Кончака, господине,
Поганого кощея стреляй —
За землю Русскую,
За раны Игоревы —
Храброго Святославича!

Прозвище Ярослава — Осмомысл Карамзин раскрывал в том смысле, что его одного ума хватило бы на восемь других людей. Ярослав был отцом Ефросинии Ярославны, жены Игоря, и Святослав мог рассчитывать, что и родственные чувства к дочери могут подвигнуть этого владыку, владения которого простирались до Дуная, на общее дело борьбы с половцами.

Иллюстрация к „Слову о полку Игореве" работы палехского мастера И. Голикова.

«Злато-слово» Святослава заканчивается обращением к Мстиславичам. И здесь мы услышим все тот же рефрен, но снабженный более четкой формулировкой той основной задачи, к разрешению которой призывает Святослав других князей:

Заградите степные ворота
Острыми стрелами —
За землю Русскую,
За раны Игоревы —
Храброго Святославича!

Любопытно, что этому последнему обращению предшествует реплика бояр, которая до сих пор учеными исследователями не выделялась. В этой реплике бояре призывают в поход самого Святослава, чтобы не ограничилось все дело речами:

Дон тебя, княже, кличет
И зовет князей на победу...

Мы говорили уже, что «злато-слово» не стоит в поэме изолированно. Есть часть, ему предшествующая, но есть и последующая, которая некоторыми старыми исследователями считалась продолжением речи Святослава.

Это, конечно, не продолжение речи. Здесь меняется самая поэтическая манера автора: вновь появляются образы и исторические видения из более ранних времен. И здесь, уже от себя, как он делал это и ранее, автор делает прямые упреки князьям:

О Ярослав
И все внуки Всеслава!
Приспустите знамена свои,
В землю вонзите мечи
Притупившиеся,
Ибо уже выпали вы
Из дедовской славы;
Ибо своими крамолами
Начали вы наводить
Поганых
На Русскую землю,
На достоянье Всеславово:
Из-за ваших раздоров
И было насилие
От земли Половецкой!

Так автор открыто корит князей, да еще самого Ярослава черниговского, прямо названного по имени. Под выражением «внуки Всеслава» следует разуметь все многочисленное потомство Всеслава Брячиславича. Таким образом, помянув незадолго до того и других, кроме половцев, врагов Руси, в частности Литву, поэт расширяет как круг князей — князьями Полоцкими, так и ту территорию русскую, которая была в одинаковых условиях с Киевской Русью.

В заключение любопытно отметить, что автор, выражая сожаление о том, что не мог же вечно пребывать на Киевских горах Владимир Мономах, бывший крепким авторитетом для других князей, тем самым не выказывает полного удовлетворения от того факта, что на месте Мономаха сидит теперь Святослав.

Это последнее обстоятельство окончательно определяет место «злата-слова» в поэме. Да, оно является кульминационным пунктом патриотического призыва Святослава, а вместе с ним, конечно, и автора, но сам автор позволяет себе значительно большую свободу выражений и чувств. Откуда же эта смелость у нашего автора? Она всецело покоится на том, что его интересы шире интересов отдельных князей. Вся поэма — о Русской земле, о народе. И автор этой гениальной поэмы полным голосом говорит также от имени народа.

К. ОСИПОВ

Рымник

Рис. И. Гринштейна

Во второй половине XVIII века дворянская Россия вела многочисленные войны. Зародившаяся при Петре I крупная промышленность достигла к этому времени относительно высокого уровня; владельцы фабрик нуждались в рынках сбыта и в торговых путях, вследствие этого правительство Екатерины II вело агрессивную политику, стремясь захватить области, примыкающие к Черному морю. Турция, в свою очередь, лелеяла империалистические замыслы и отнюдь не склонна была к территориальным уступкам. Первая война между обеими странами окончилась в 1774 году отторжением от Турции Крыма и присоединением к России ряда городов на черноморском побережье. Этот мир не удовлетворил ни одну из сторон. Турция жаждала реванша. Дворянская Россия обдумывала «греческий проект»: изгнание турок из Европы и объединение всех славянских народов. Интриги Франции, Англии и Пруссии еще больше раскаляли атмосферу. Осенью 1787 года турецкое правительство объявило России войну.

Между русским и австрийским правительствами существовал военный союз. Пользуясь тем, что русская армия оказалась плохо подготовленной и по преимуществу придерживалась пассивной тактики, турки задумали грандиозное предприятие: разбить сначала австрийцев, а потом обрушиться на русские войска. У местечка Рымник концентрировалась огромная турецкая армия (свыше 100 000 человек).

Австрийский командующий, принц Кобургский, обратился за помощью к русским. Одним из корпусов молдавской армии командовал тогда Суворов. Не доверяя хладнокровию Кобурга, Суворов решил выждать дальнейших известий.

Но через сутки прискакал второй курьер: турецкие войска подошли к австрийским позициям, и со дня на день можно ждать атаки. На клочке бумаги карандашом Суворов написал принцу Кобургскому одно слово:

«Иду!»

Уведомив о своем движении Потемкина, он немедленно, глубокой ночью выступил в поход; Потемкин, в свою очередь, послал донесение в Петербург, пояснив, что «Кобург почти «караул» кричит, и наши едва ли к нему во-время поспеют».

Однако, Суворов поспел. Идя по размытой дороге, под проливным дождем, вынужденный наводить в пути сорванный разбушевавшейся рекой мост, он проделал в течение двух суток около 100 верст и утром 10 сентября примкнул к левому крылу австрийцев. Существует рассказ, что когда один шпион доложил великому визирю о появлении Суворова, визирь велел повесить его за распространение небылиц.

Безмерно обрадованный, Кобург тотчас явился для обсуждения плана действий. Суворов принял его в простой палатке, на груде свежего сена и, не дав ему рассказать о составленной австрийцами диспозиции, развил свой проект. «Ежели турки еще не наступают,— заявил он,— значит, они не закончили сосредоточения сил. В таком случае, надо немедленно атаковать их». Кобург колебался: русских и австрийцев вместе было 24 000, то-есть в четыре раза меньше, чем турок. Но Суворов поставил вопрос ультимативно, пригрозив, что в случае отказа атакует только своим семитысячным корпусом. Он указал, что при крупном неравенстве сил только быстрая атака обещает успех, что многочисленность турок будет способствовать их беспорядку и, наконец, усмехнулся он, «турок все же не столько, чтобы заслонить нам солнце». В конце концов, австрийский полководец подчинился более сильной воле и отдал себя в распоряжение Суворова.

Немедленно после совещания с Кобургом Суворов поскакал к реке Рымне, вскарабкался, несмотря на свои 60 лет, на высокое дерево и долго обозревал турецкие позиции. В голове его постепенно складывался план сражения. Позиции турок были очень удобны для обороны. Они прикрывались с фронта и флангов рекою, оврагами и лесами. Но в глазах Суворова это означало только, что его план должен быть особенно тщательно разработан. Не доверяя стойкости австрийцев, Суворов решил возложить всю тяжесть задачи на русские полки. Он задумал атаковать сперва один из флангов противника, где было сосредоточено всего 12 000 турок, приковывая неприятельский центр одновременным медленным наступлением австрийцев.

Знаменитый русский полководец А. В. Суворов.

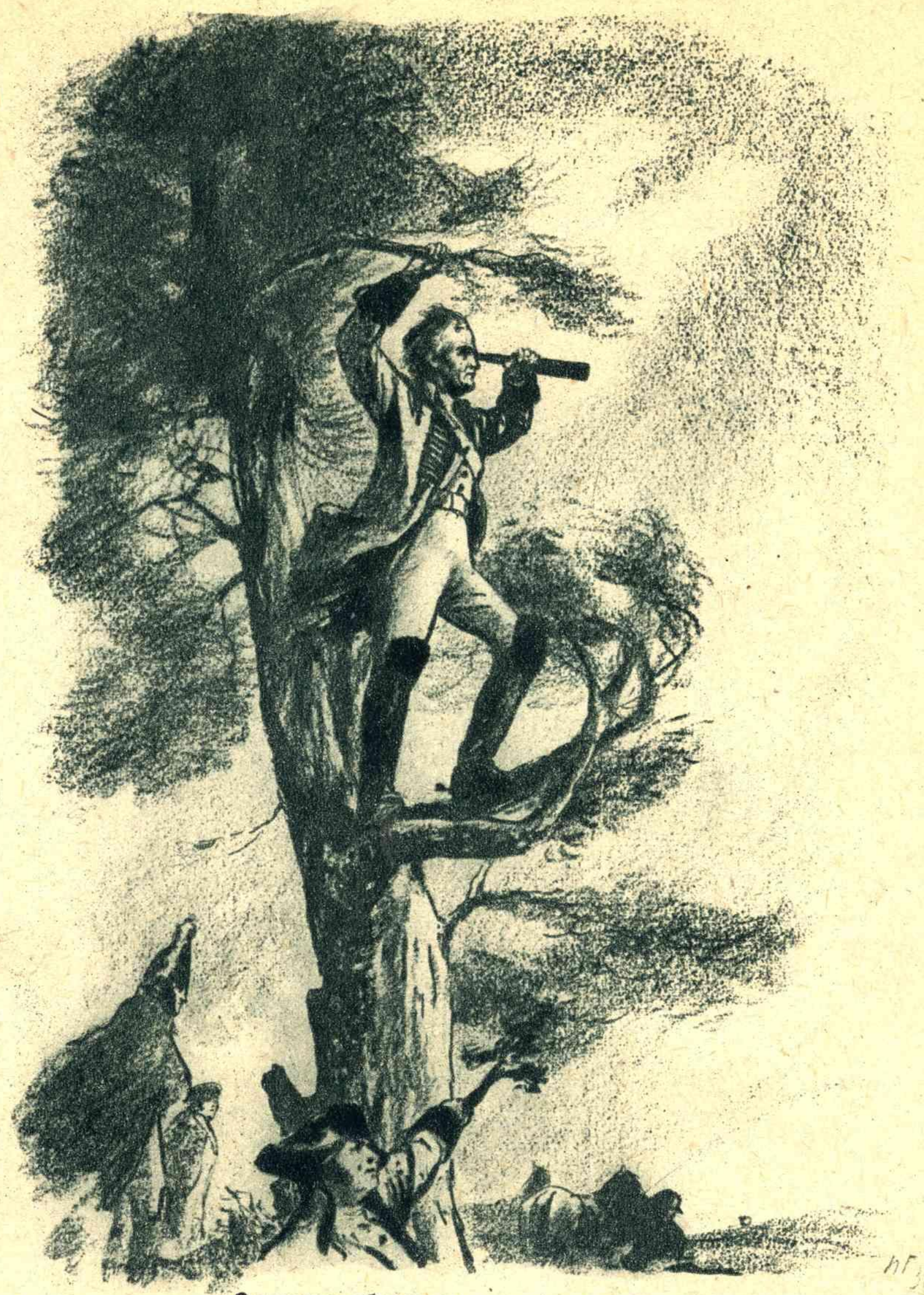
Разгромив турецкий фланг, он решил, переменив фронт, сомкнуться с австрийцами для совместной атаки главной турецкой позиции. Этот маневр — перемена фронта в виду противника — был очень рискован, но Суворов верил в себя, в своих солдат. Характерно, что, не желая смущать Кобурга, он не посвятил его полностью в свои намерения, сообщив только первую половину плана.

В тот же вечер войска двинулись на сближение с противником. В интересах наступавших было возможно более позднее обнаружение их турками. Поэтому шли молча, команда отдавалась вполголоса. Стояла безлунная, звездная ночь. Турки, не предполагая активных замыслов против них, не позаботились выставить охранение. Около 14 верст войска прошли, не встретив ни одного турецкого пикета. По пути пришлось переправиться через Рымну, шириною до 200 шагов; ее перешли вброд. Одна часть русских войск сбилась с пути и смешалась с австрийцами, но скоро удалось навести порядок.

Наконец, утром турки заметили приблизившиеся колонны и открыли огонь. В это время русский корпус двигался берегом реки к левому флангу турок, австрийцы же надвигались на центр, немного подаваясь направо, вслед за Суворовым. Связь между русским и австрийским корпусами поддерживалась австрийской кавалерией под командованием одного из способнейших австрийских генералов, Карачая. Таким образом, наступление велось как бы уступами. Русские войска двигались четырьмя линиями, имея на флангах донских казаков. Сам Суворов находился в первой линии, при среднем каре.

Итти приходилось полем, заросшим бурьяном и кукурузой. Это чуть не повело к катастрофе: у самых турецких ложементов наткнулись на глубокий овраг. Войска замялись. В этот момент турки открыли бешеную стрельбу, а из-за леса вынеслись нестройные толпы их конницы.

Суворов не дал своим батальонам времени на колебания. Он немедленно велел первым рядам спуститься в овраг и, перебравшись через него, атаковать батареи. Остальные части, с помощью обогнувшей овраг кавалерии, вступили в бой с конницей. Как раз в это время произошел известный эпизод, описанный одним очевидцем, австрийским офицером. Спустившись в овраг, карабкаясь под жерлами неприятельских пушек, гренадеры внезапно разразились громовым хохотом: повидимому, вездесущий Суворов рассмешил их какой-нибудь шуткой. Этот хохот показался рассказчику «чем-то до такой степени новым, неожиданным и демоническим», что он не нашел для



Он долго обозревал турецкие позиции.

него иного сравнения, кроме как с «тем смехом, каким должны были смеяться Клопштоковские черти».

Встретив твердый отпор, встревоженная глубоким продвижением им во фланг передовых русских частей, турецкая конница рассеялась. Суворов запретил преследовать ее. По его выражению, он предоставил бежавшим «золотой мост», так как имел дела поважнее.

Не теряя ни минуты, Суворов направил свой отряд влево, повернув фронт почти под прямым углом.

Тем временем австрийцы выдержали ряд сильных ударов турок, но, хотя и замедлили свое продвижение, все же, с помощью Карачая и русской кавалерии, отразили все атаки.

Полдневный жар истомил бойцов. По безмолвному соглашению, битва на короткий срок приостановилась. Турки подтягивали главные силы; Суворов использовал передышку для сообщения своему союзнику дальнейшего плана операции. Он предложил концентрически наступать на центр неприятельской позиции, Крынгомейлорский лес, и одновременно с русскими атаковать его.

Однако, изучая лежащую перед ним местность, Суворов заметил, что подступы к лесу обстреливались сильной турецкой артиллерией, расположенной в деревне Боксе. Он принял решение сперва овладеть этой деревней, видя в ней ключ позиции, и тотчас двинул туда свой отряд.

Сражение возобновилось с новой силой. Великий визирь ввел свежие части, и сорокатысячная масса конницы с отчаянными возгласами «Экбер алла... Я-алла!» обрушилась на австрийцев. Те мужественно оборонялись, однако с каждой минутой слабели. Видя, что Суворов удаляется от него, принц Кобургский слал к нему одного курьера за другим, прося поддержки.

— Пускай держится, — отвечал русский полководец, — а бояться нечего: я все вижу.

Он знал, что, заняв Боксе, окажет более действительную помощь австрийцам, чем сотрудничая с ними в отражении фронтальной атаки. Ему и самому приходилось нелегко: сильные турецкие батареи почти в упор громили его поредевший отряд; с флангов то и дело налетали янычары. Во время одной атаки казаки были

В одну минуту всадники пересекли обстреливаемое пространство.

совершенно разбиты, но пехота устояла. Отлично действовала русская артиллерия, принудившая турок дважды свозить свои оружия с позиций. В конце концов, Боксе была взята, и, быстро пройдя небольшую рощу, Суворов вышел во фланг главным турецким силам, почти опрокинувшим уже австрийцев. Попав под перекрестный огонь, турки отхлынули к Крынгомейлорскому лесу.

Наступал последний акт драмы. Предпринятый Суворовым сложный маневр должен был увенчаться прямым штурмом основных неприятельских позиций. Главное укрепление их состояло в неглубоком рве и в земляной насыпи. Однако, насыпь эта не была еще готова: вышина ее была незначительна, местами она совсем отсутствовала. Заметив это, Суворов молниеносно принял решение, одно из тех, которые не предусмотрены никакими теориями и которые рождаются только в мозгу гения: он решил атаковать турецкие окопы кавалерией.

По его распоряжению, оправившиеся австрийские войска составили одну общую, несколько вогнутую линию с русским корпусом. Каре первой линии были раздвинуты, и в интервалах помещены конные части; остальная часть кавалерии была размещена на флангах.

Под сильнейшим огнем турок атакующие приблизились в таком порядке на 300—400 саженей к ретраншементу — и в этот момент из интервалов всей линии вынеслась кавалерия и полным карьером помчалась на неприятеля. В одну минуту всадники пересекли обстреливаемое пространство, перескочили через ров и бруствер и врубились в плотные ряды янычар. Пораженные этой невиданной атакой, защитники траншей растерялись. Это позволило атакующей пехоте почти беспрепятственно добежать до места схватки.

— Ребята, смотрите неприятелю не в глаза, а на грудь, — кричал солдатам Суворов, в течение всего дня присутствовавший в самых опасных местах боя, — туда придется всадить ваши штыки.

Началась жестокая рукопашная сеча. Прорвавшиеся в турецкий тыл казаки и австрийские уланы увеличили смятение потрясенного противника. Ряды турок дрогнули; еще момент — и они, бросая оружие, устремились в бегство. Напрасно останавливал их, с кораном в руке, великий визирь, напрасно стрелял по беглецам из пушек. Паника была так велика, что не было даже попытки защищать прекрасно устроенные окопы, прикрывавшие переправу через реку. Единственный мост был запружен повозками. Турки бросились вплавь, но массами тонули в холодных, вздувшихся водах Рымны. Тех, кто оставался на берегу, нещадно рубила русско-австрийская кавалерия (пехота не участвовала в преследовании, так как не поспевала).

Стотысячная армия великого визиря перестала существовать как боевая сила. На поле битвы легло около 15 000 турок. Победителям достались 100 знамен, 80 орудий и огромная разнообразная добыча, в том числе несколько тысяч цепей, которые уверенные в победе турки везли для сковывания пленных.

Над местом боя спустилась тьма. Победители шумно праздновали победу и делили трофеи. Сохранился рассказ, что при дележе захваченных пушек между русскими и австрийцами возникли трения.

— Отдайте австрийцам, — распорядился Суворов, — мы себе еще достанем, а им где взять?

Однако, отношения между союзниками, в общем, остались хорошими. Австрийцы признавали, что вся честь победы принадлежит русским. Один австриец писал: «Почти невероятно то, что о русских рассказывают: они стоят, как стена, и все должно пасть перед ними». Суворов, со своей стороны, хвалил поведение австрийских войск, особенно выделяя Карачая с его кавалерией.

Рымникское сражение представляет собою одну из самых замечательных страниц военной истории России и один из величайших подвигов Суворова. Что касается тех, чьими руками была завоевана эта победа, — русских солдат, дравшихся против упорного врага, один против пяти, и неуклонно, как таран, разбивавших все преграды, подавивших самую способность к сопротивлению у пришедших в отчаяние турок, — то они этой битвой доказали, что при правильном руководстве они вправе называться лучшими в мире солдатами.

ПОДРУГИ

Н. ВАСИЛЬЕВ

Трав степных невнятный шорох.
Дым. Огонь. Свинец и порох.
В огненном кольце страна.
В голубых ее просторах
Шла гражданская война.
Стыли в травах лужи крови,
Огневые пели вьюги.
В старом городе Тамбове
Жили-были три подруги.
В росный, легкий, теплый вечер
Только месяц свет прольет,
Назначали парни встречи
И встречались у ворот.

И смотрели взглядом новым
Парни в девичьи глаза...
В это время под Тамбовом
Встала белая гроза.
Поднимался стар и молод,
И брала врага тоска.
Через степи,
Через город
Шли червонные войска.
Где-то рядом пушки били,
И, решив не отставать,
Наши парни уходили
За свободу воевать.
И ушли к боям и славе
Через поле,
Через луг,
В старом городе оставив
Трех любимых, трех подруг.
Но подруги слез не лили,
Не сказали им „прости!“ —
Три подруги порешили
За любимыми итти.
И ушли, как в старых сказках,—
В очень дальние места.
И горели на повязках
Знаки красного креста.
Где-то рядом кони ржали,
И подруг в ночные тени,
Осыпаясь, провожали
Гроздья розовой сирени.
Сквозь листву седых акаций
Полыхали звезд костры.
И ушли за счастье драться
Три подруги,
Три сестры...
По ночам орудья били,
Дым летел со всех концов.
Три подруги выходили
Перевязывать бойцов.
Пели огненные вьюги,
Грозным вьюгам из свинца
Шли навстречу —
Три подруги,
Три подруги,
Три бойца.
Смерть на них глаза косила.
Шла жестокая борьба.
Их по всем фронтам носила
Большевистская судьба.
Их баюкала волною
Волга-матушка река...
Пролетали над страною
Грозовые облака.
Только младшую убили
За Чонгарским за мостом,
И ее похоронили

Под ракитовым кустом.
На ветру рыдали трубы,
Оглашая маршем дали.
У подруг дрожали губы,
Но подруги не рыдали.
И сегодня дети знают
Их простые имена.
На груди у них сверкают
Боевые ордена.
А над младшей пролетают
Самолеты, птицы, тени,
Над могилой расцветают
Гроздья розовой сирени.
И гудят про счастье наше
Пчелы, собирая мед...
Светлый образ
Самой младшей
В наших девушках живет.
Их сердца полны бесстрашьем,
И на родине труда
Светлый образ
Самой младшей
Не померкнет никогда.
И проносят счастья знамя
Миллионы женских рук,
И пылает знамя
В память
Самой младшей
Из подруг.

ШАХМАТЫ

под редакцией мастера М. Барулина

Пауль Керес

В число участников предстоящего амстердамского матч-турнира, наряду с такими выдающимися шахматистами нашего времени, как Алехин, Капабланка, Ботвинник, Эйве, Флор и др., входит молодой эстонский гроссмейстер Пауль Керес. Ему всего 22 года. Только в 1935 году начал он свою шахматную карьеру. Но его выступления за этот краткий период были так блестящи, что сейчас, когда намечают возможного победителя амстердамского матч-турнира, фамилию талантливого эстонца называют чаще всего.

По стилю игры его сравнивают с гениальным Морфи. Он любит открытые позиции, сложную фигурную игру, прямые атаки на короля.

Из последних турнирных успехов Кереса особенно следует подчеркнуть его победу на турнире в Земмеринге-Бадене в сентябре 1937 года, где он оказался впереди Файна, Капабланки, Ржешевского, Флора, Рагозина и др.

Приводим его партию с чемпионом мира Алехиным, в которой последний попал под разгромную атаку и на 23-м ходу вынужден был сложить оружие. Эта партия была играна на турнире в Маргэте (Англия) в апреле 1937 года.

ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ

П. Керес — А. Алехин

(белые)	(черные)
1. e2 — e4	e7 — e5
2. Kg1 — f3	Kb8 — c6
3. Cf1 — b5	a7 — a6
4. Cb5 — a4	d7 — d6
5. c2 — c4	

Керес отступает от шаблона и делает редко применяемый ход, обеспечивающий белым открытую фигурную игру.

5. ...	Cc8 — d7
6. Kb1 — c3	g7 — g6
7. d2 — d4!	

Последовательно сыграно — предупреждая 7... Kd4.

7. ...	Cf8 — g7
8. Cc1 — e3	Kg8 — f6
9. d4 : e5	d6 : e5
10. Ce3 — c5!	

Сильный ход, предупреждающий короткую рокировку черных.

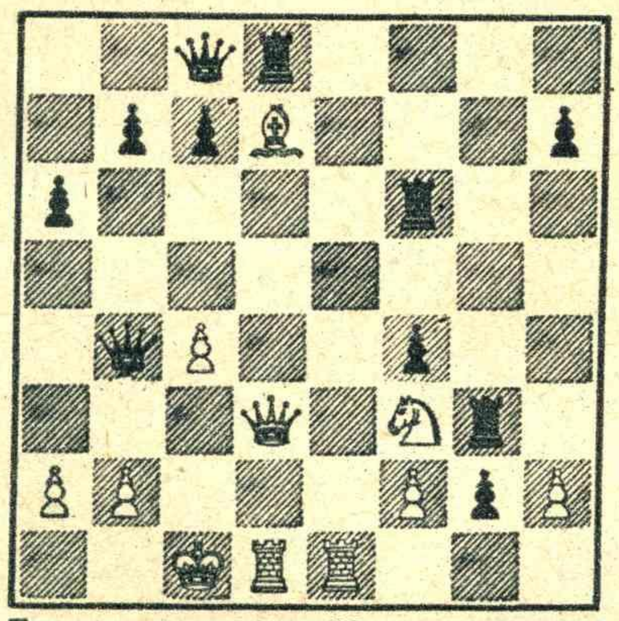
10. ...	Kf6 — h5
11. Kc3 — d5	

Белые добились подавляющего преимущества в позиции.

11. ...	Kh5 — f4
12. Kd5: f4	e5 : f4
13. e4 — e5!	g6 — g5

Пешку бить было нельзя: 13... K : e5 14. K : e5 C : e5 15. Фe2! и если 15... C : a4, то 16. Ф : e5+Kpd7 17. b3 Лe8 18. 0—0—0+! и выигрывают.

14. Фd1 — d5	Cg7 — f8
15. Cc5 : f8	Лh8 : f8
16. 0—0—0	Фd8 — e7
17. Cb5 : c6!	Cd7 : c6
18. Фd5 — d3	Cc6 — d7
19. Kf3 : g5	0—0—0
20. Kg5 — f3	f7 — f6
21. e5 : f6	Лf8 : f6
22. Лh1 — e1	Фe7 — b4?



Положение после 22 хода черных.

Просмотр в безнадежном положении., Если, например, 22... Фg7, то 23. Фd4!, если 22... Фf8, то просто 23. Ф : h7, если 22... Фf7, то 23. 23. Ke5! с последующим K : d7.

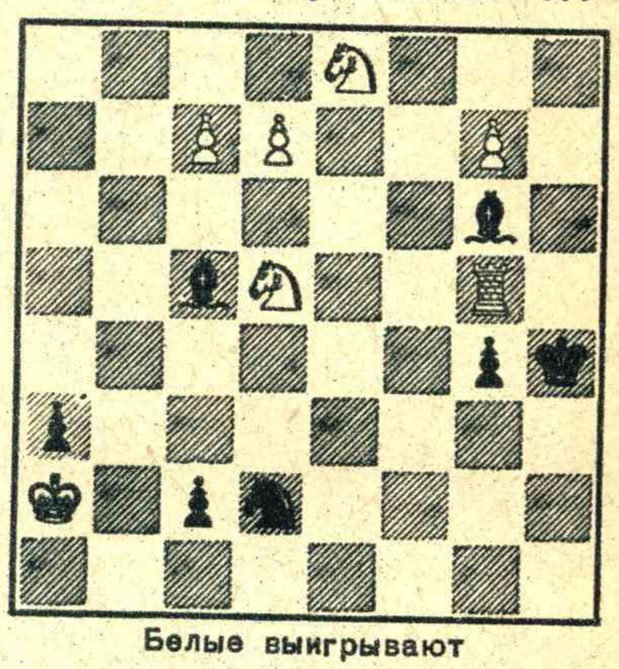
23. Фd3 : d7 + ! Черные сдались. На 23... Л : d7 24. Лe8 + и мат в следующий ход.

За шахматами.

„КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ"

ЭТЮД В. А. КОРОЛЬКОВА (Ленинград)

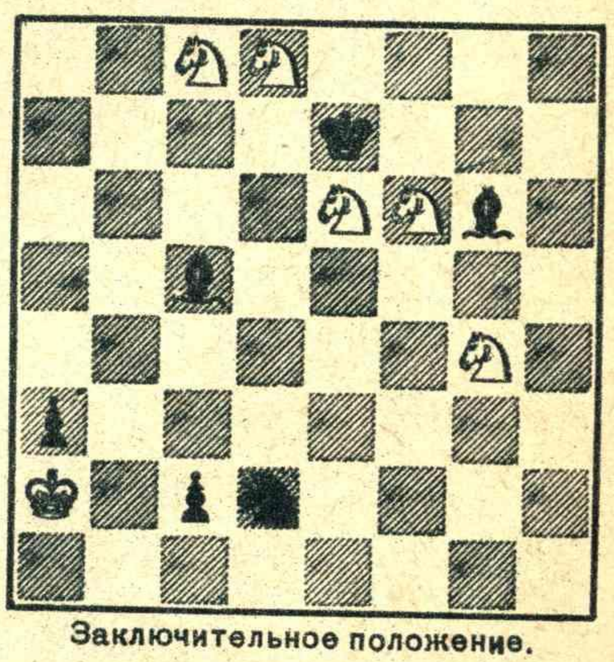
1 приз газеты „64" за 1937 год



Белые выигрывают

Этот этюд т. Корольков опубликовал в марте 1937 года в честь 19-летней годовщины Красной Армии. Приводим его решение (главный вариант) и заключительное положение:

1. Лh5 + Kp : h5 2. Kf4 + Kph6 3. g8K + Kph7 4. Kgf6 + Kph6 5. K : g4 + Kph7 6. Kef6 + Kpg7 7. Ke6 + Kpf7 8. d8K + Kpe7 9. c8K × !



Заключительное положение.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА ШАХМАТНЫХ ГОЛОВОЛОМОК

„КУДА ПОСТАВИТЬ ЧЕРНОГО КОРОЛЯ?"

(„Красноармеец краснофлотец" № 23-24 за 1937 год)

На этот конкурс нами были даны три позиции. Каждая из них являлась обычной двухходовой задачей, но *без черного короля*. В соответствии с этим, задание сводилось к следующему: на какое поле надо поставить черного короля, чтобы белые могли заматовать его в два хода. Решение этих головоломок таково:

№ 1. Положение: Бел. Kph4, Cc6, d6, п. d7, e7 (5) Черн. Kp?, п. f6 (1). Черного короля надо поставить на поле **e6**, после чего белые матуют в 2 хода: 1. e7 — e8 Конь!

№ 2. Положение: Бел. Kph1, Фb8, Лc1, h3, Ce1, Kb2, g6, п. a6, f2 (9) Черн. Kp?, Лd2, Kc2, e3, п.a7, c6, d5, e4, h4 (8). Черный король должен стоять на поле **d4**. Мат в 2 хода: 1. Kg6 — f4.

№ 3. Положение: Бел. Kpb1, Фb4, Kc4, e3, п. g3, h2 (6). Черн. Kp?,Cd4, п. h3 (2).

Эта задача очень понравилась нашим читателям. Решение ее действительно очень красиво: короля надо «водворить» на поле **e4**(!), и теперь белые смогут заматовать его в два хода следующим остроумным ходом: 1. Kc4 — e5!

Всего мы получили от наших читателей 136 решений. Правильно решили все три позиции следующие товарищи: ст. лейтенант Егоров и военинженер 3-го ранга Саввин И. (*ДВК*), краснофлотец Новоселов А. (*Владивосток*), Федорчук В. (*ст. Тюлькубас*), Каликеев А. (*Горький*), Леонтьев В. (*Ногинск*), лейтенант Яхнис В. (*ст. Белокоровичи*), Дегтярев М. (*Орджоникидзеград*), Пирогов Н. (*Москва*), Попандопуло А. (*Ленинград*), Корсунский А. (*Ленинград*), Бурдей Г. (*Саратов*).

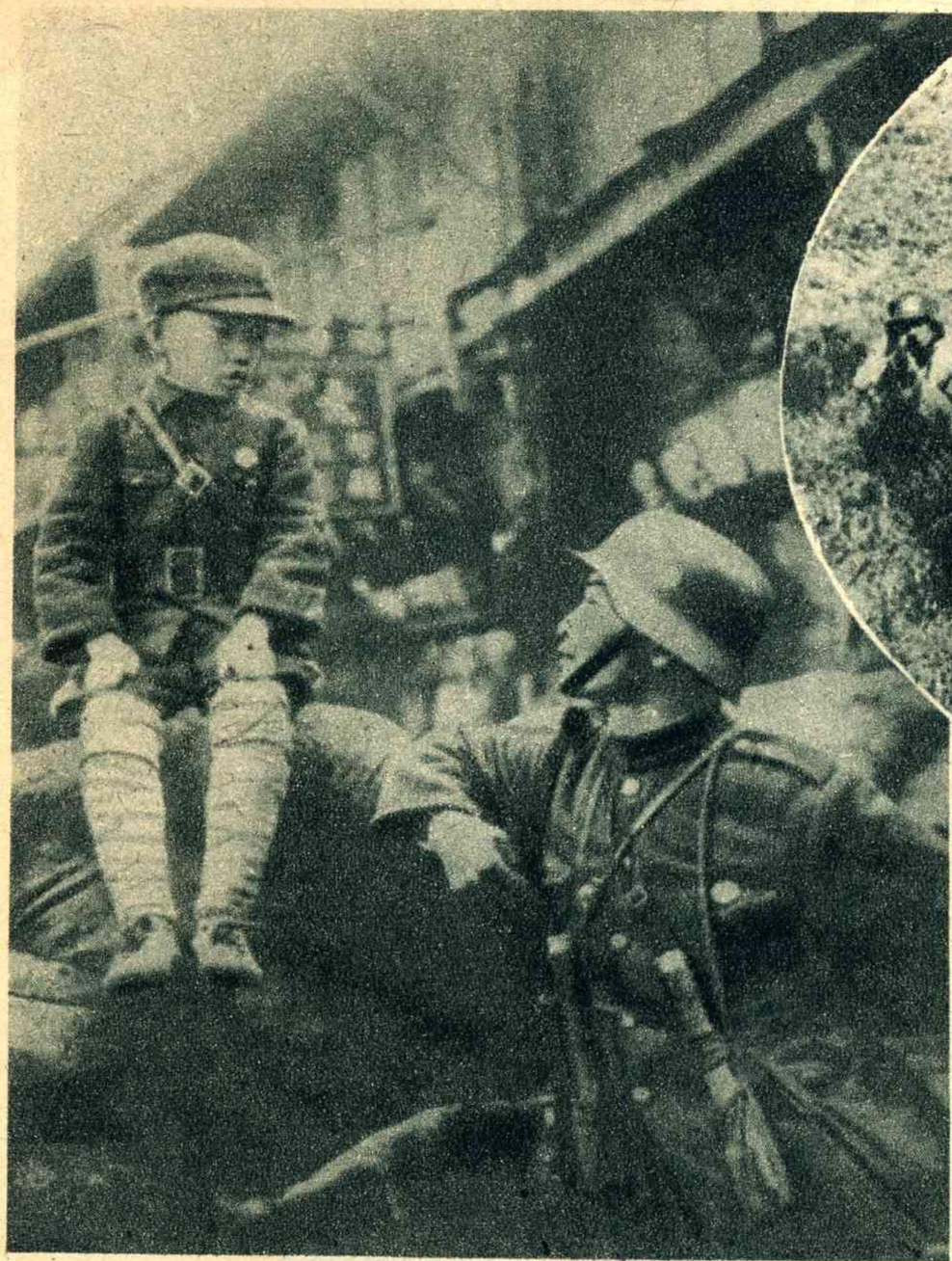
Премируются книгой «Советская шахматная композиция» изд. 1937 г. (по жребию) тт. Новоселов и Дегтярев.

„Шахматный револьвер"

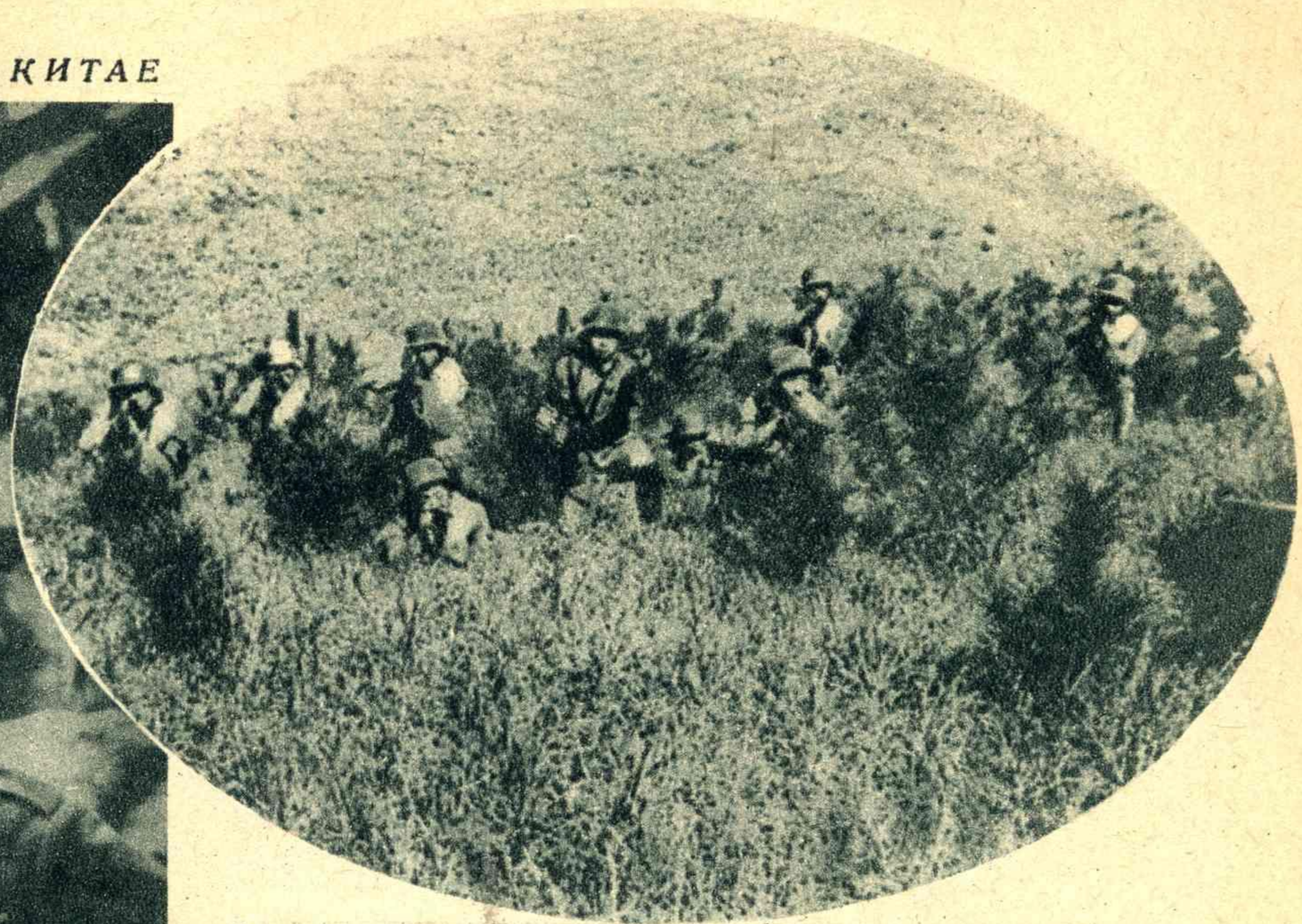
КТО РЕШИТ?

Белые, начиная, дают черному королю мат в 21 ход.

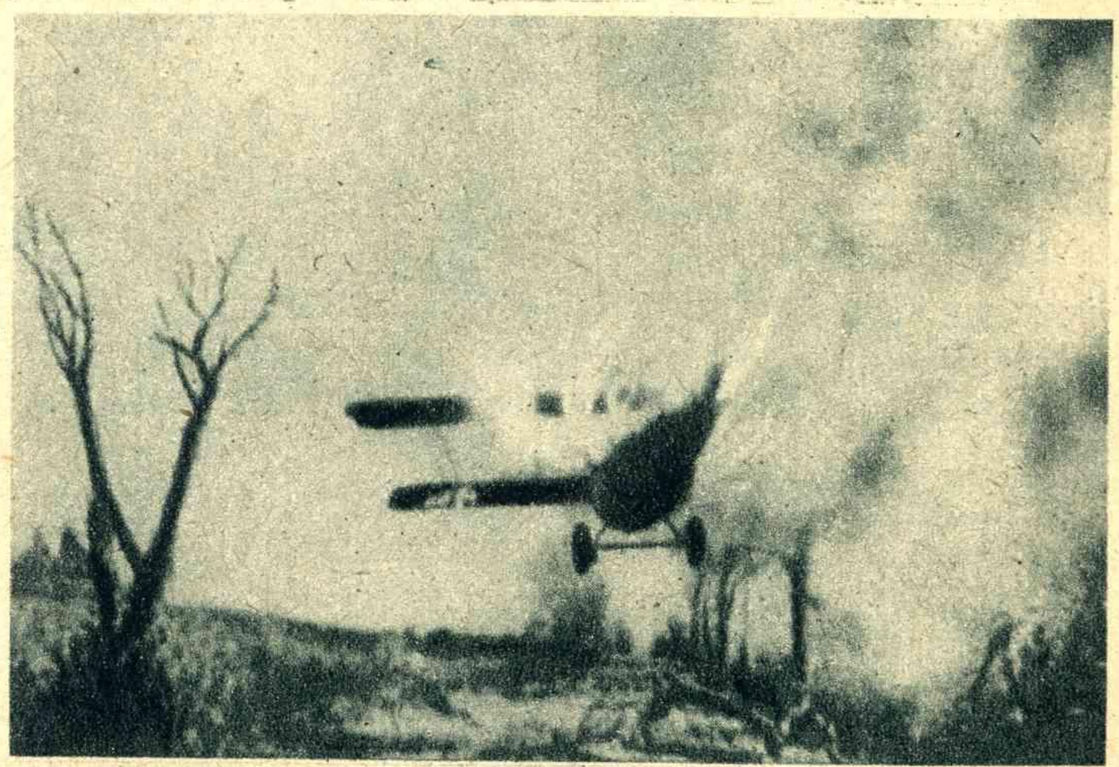
К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ В КИТАЕ



Китайский солдат беседует с китайским мальчиком.



Отряд китайских солдат, вооруженных автоматическими пистолетами.



Японский самолет, сбитый китайской зенитной артиллерией, падает на землю.

Китайский легкий танк.

Китайские солдаты в противогазах.

Редакционная коллегия Зав. редакцией Б. БОНДАРЕНКО Оформление Б. МАЛИШЕВСКОГО

Издатель Воениздат Адрес редакции: Москва, 19, ул. Маркса — Энгельса, 17. Тел. К 4-71-16

Уполном. Главлита № Г-9349. 4 п. л. 320 000 знаков. Изд. № 221. Сдано в производство 20.4.38. Подписано к печ. 13.5.38. Тираж 50 200 экз. Заказ № 1944.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

ЦИК СССР.

МЗ344

Цена 50 коп.

Фото Н. Соловьева